

Твоя Лабость

Ева Вуксен

Осторожно! Слишком горячая история!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Территория своих

Ева Виксен

Твоя слабость

«Автор»

2026

Виксен Е.

Твоя слабость / Е. Виксен — «Автор», 2026 — (Территория своих)

Это 2 книга истории Саши и Игоря. Каково это - жить дальше, зная, что твой мир сгорел за секунду? Саша выбрала забвение, тишину и попытку начать всё с чистого листа с другим человеком. Игорь выбрал ярость и вершину делового олимпа, где эмоции считаются слабостью. Девять лет они упорно доказывали сами себе, что разрыв был правильным решением, а их сумасшедшая связь - лишь глупой ошибкой. Но когда невидимые нити судьбы вновь затягиваются на их шеях, сталкивая лицом к лицу, их выстраданный покой летит к чертям. Теперь это не просто встреча бывших - это лобовое столкновение двух сильных, ожесточённых людей. Хватит ли у Саши сил противостоять напору мужчины, которого она когда-то боготворила, а потом люто возненавидела? И сможет ли Игорь укротить свою одержимость и гордость, когда поймёт, что до сих пор смертельно болен одной единственной девушкой?

© Виксен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
I часть Игорь. Глава 1: Подставной Стоп-Кадр.	6
Глава 2: Разнос.	13
Глава 3: Точка невозврата.	19
Глава 4: Охотничий инстинкт	24
Глава 5: Мёртвые следы	29
Глава 6: Смена вектора направления	36
Глава 7: IGnight & Lexiss	42
Глава 8: Пранк для вице-президента	47
Глава 9: Ломка и фантомы	52
Глава 10: Призрак обрёл плоть.	56
II	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ева Виксен

Твоя слабость

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

СТРОГО 18+. Книга содержит контент, предназначенный исключительно для совершеннолетних читателей.

Настоящее художественное произведение содержит подробные сцены эротического характера, ненормативную лексику, а также упоминание алкогольной продукции, табачных изделий и иных психоактивных веществ. **Автор напоминает, что употребление алкоголя, табака и любых психоактивных веществ вредит вашему здоровью.** Данные упоминания продиктованы исключительно художественным замыслом, не являются рекламой, романтизацией или пропагандой девиантного поведения и употребления каких-либо веществ.

Все персонажи, имена, фамилии, локации, организации и события в книге являются полностью вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), существующими компаниями, брендами или событиями абсолютно случайны.

Произведение носит исключительно развлекательный характер, является художественным вымыслом и не преследует цель оскорбить чьи-либо чувства, взгляды, религиозные или политические убеждения.

Начиная или продолжая чтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам исполнилось 18 лет, и вы берете на себя полную ответственность за ознакомление с данным текстовым материалом.

I часть Игорь. Глава 1: Подставной Стоп-Кадр.

Ад сам по себе не разгорается. Ему всегда нужно топливо, и лучшее топливо для него - то счастье, что было у нас с Сашей. За него потом больше всего платить, за каждый грамм этого счастья.

В тот полдень в бассейне было жарко, пар стоял столбом, густой, как молоко. Вода бурлила, плечи ломило от кайфа, а сверху из пушек вылетал искусственный снег, падал на горячую кожу и сразу таял. Контраст дикий, и голова от этого плыла. Моя малышка радовалась как ребёнок такому сочетанию несочетаемого, хлопала в ладоши, ловила снежинки языком, а я, в свою очередь, был рад видеть её счастливой. На самом деле мужику много и не надо - только чтобы его любимая была рядом и улыбалась. Всё остальное приложится.

Сашка плавала, полностью расслабившись, повисла на мне, мокрые волосы липли к моим ключицам, и я держал её за бёдра, чувствуя, что когда она рядом, меня перестаёт грызть это вечное, фоновое напряжение. Судебный дурдом, который устроила Ира, наконец-то кончился. Мы выгребли из этой бурной реки, зализали раны, приросли друг к другу намертво. Я смотрел на любимую сквозь этот пар и до конца не верил, что это вообще происходит со мной, что мне можно быть вот так просто счастливым, без ежеминутного ожидания подвоха или удара в спину. После всего того дерьма, в котором я варился годами, её тепло ощущалось как незаслуженный аванс, как что-то, что мне выдали по ошибке и скоро отберут.

Я вспомнил, как меня мучительно воротило от Алины. В тех прошлых отношениях я вечно был должен. Должен, должен, должен - бесконечный список. Должен соответствовать какому-то стандарту, должен правильно говорить, должен правильно смотреть, должен правильно одеваться, водить её по правильным ресторанам, давать правильное количество денег. Алина была дорогой нимфоманкой и латентной алкоголичкой, которая маскировала своё скотство шмотками из брендовых бутиков и высокомерной миной. Стоило ей пригубить лишнего - а пила она страшно, запираясь в спальне с бутылкой вина и врубая капризную стерву, как начинался ад. Она трахалась так, словно пыталась сожрать меня живьём, высосать все силы, а наутро смотрела на меня как на грязь под ногтями.

Я постоянно испытывал этот тупой, навязанный стыд за каждый свой неверный шаг, за слишком резкое слово или не тот взгляд. Алина умела душить, сука, выжигая изнутри чувством вины. Она умудрялась выставить меня виноватым даже в том, что сама нажиралась в хлам и вешалась на моих друзей на закрытых вечеринках. Я возвращался домой с ощущением, что я какой-то дефектный, что со мной что-то не так, раз я не могу сделать счастливой эту сумасшедшую бабу.

Если бы не Сашка, я бы, наверное, женился на этой стерве, потихоньку спиваясь или окончательно ломая себе хребет в угоду чужим капризам. Именно Сашка тогда, сама того не зная, просто фактом своего существования дала мне силы и стимул послать Алину к чёртовой матери. Она показала мне, что женщина может не выжигать, а греть. Обычная девчонка из небогатой семьи, без закидонов и претензий на статус, просто была со мной такой, какая она есть, и этого хватало.

И ведь ладно бы только Алина. Когда всплыла эта мутная, грязная история с Ирой, любая другая девушка на месте Сашки собрала бы вещи в ту же секунду. Там всё выглядело максимально паршиво, против меня были пусть и смешные, но улики, весь этот шумок горничных и косые взгляды общих знакомых. Мне мало кто верил. А Сашка осталась. Она просто села напротив, посмотрела мне в глаза и сказала: «Я с тобой. Мы во всём разберёмся». Она поддержала меня, не отвернулась, когда от меня разило этой грязью, стала той самой единственной опорой, ради которой хотелось зубами землю грызть, но доказать, что я не мразь.

Хотя внутри, в самых тёмных углах моей души, куда я никого никогда не пускал, сидела одна позорная, ядовитая правда. Я ведь на самом деле хотел иногда оттрахать Иру. Видел её в этих чулках, ловил её случайные взгляды и ловил себя на мысли, как зажимаю её где-нибудь в тёмном коридоре, просто чтобы сбросить пар. Напряжение между нами порой стояло такое, что искры летели. И меня каждый раз что-то останавливало в самый последний момент. То ли остатки мужской гордости, то ли страх потерять то настоящее, что только-только начало прорасти между мной и Сашкой. Я тормозил на самом краю, сжимал кулаки и уходил. Сашка об этом не знала. Она верила мне безоговорочно, свято, как верят только самым близким. И от этой её веры мне сейчас было одновременно и тепло, и жутко. Я понимал, какой кредит доверия мне выдан, и готов был разбиться в лепёшку, лишь бы его не потерять.

С Сашкой всё было по-другому. С ней мир был объёмным, настоящим, с запахами и вкусами, а не плоской декорацией, как с Алиной. Мне хотелось жить. Хотелось орать от счастья. Её двушка казалась нашей крепостью, а поездка в ГУМ перед этим выездом - чистым безумием. Я до сих пор помнил прохладу зеркала в бутике, за плотной шторой примерочной, куда я залез вслед за ней. Просто крышу сорвало от одного вида её тела. Помнил, как упал перед ней на колени, как впивался губами, пока она испуганно всхлипывала и пальцы в мои волосы зарывала, а потом этот быстрый секс, пока в зале неловко бродили консультанты... Это было моё. Настоящее. То, что не купишь ни за какие бабки, то, что отмывало меня от лет, проведённых с Алиной.

— Зайка, я вылезу, подышу. Что-то душно, — От термальной воды кровь слишком сильно прилила к голове, в висках бухало, лицо горело, словно я перегрелся на солнце.

— Давай, — Сашка улыбнулась, мазнув мокрым носом по щеке. — Я в дамскую и к тебе.

Я помог ей выбраться, мазнул взглядом по попке в узких изумрудных трусах и пошёл к веранде, в тень. Нужно было пять минут. Остыть, вдохнуть прохладного воздуха и прийти в себя.

Проходя мимо борта, я затылком почувствовал то, что бесило меня с самого первого дня нашего знакомства с её подругами. Это была Ксюша.

Я не идиот, людей считать умею - стройка и жёсткие тёрки с подрядчиками быстро укрощают иллюзии, учишься видеть гниль с первого взгляда. Эта девчонка с самого начала смотрела на меня как на витрину. Ценник не по карману, но потрогать руками хочется. Вот и сегодня ловила меня жадными глазами, пока её лучшая подруга и не подозревала об этом. Ксюше на этом отдыхе никто не достался, но, видимо, уж очень хотелось хоть кого-то. Ей двигала обычная, убогая бабская зависть - урвать кусок от чужого, Сашкиного пирога, доказать себе, что может поманить любого мужика, особенно того, кто обеспечивает её подруге нормальную, сытую, надёжную жизнь. Она видела, как я смотрю на Сашку, как оберегаю её, и это её корёжило. Аж противно. Не хочу, чтобы моё солнце с ней общалось. Надо что-то с этим делать... Но вот так в лоб сказать любимой, что её лучшая подруга постоянно облизывается на меня с момента знакомства, я ж тоже не могу... М-да. Мысленно сплюнув, я ступил на прохладный деревянный настил веранды.

Здесь, в тени плюща, дышалось легче. Я оперся о перила, закрыл глаза, блаженно впитывая тишину и подставляя лицо слабому сквозняку.

Шорох сзади раздался слишком резко. Какое-то суетливое шуршание ткани и тяжёлое, прерывистое дыхание.

Я открыл глаза, внутренне матерясь. Из-за угла, пошатываясь, вышла Ксюша. Сразу несло приторным ликёром вперемешку с кислым перегаром, аж передёрнуло от брезгливости. Деваха была в хлам. Зрачки огромные, на губах дурная и одновременно голодная улыбка. В точности как у Алины в её худшие ночи. Этот флешбэк полоснул по мозгам так резко, что я сжал кулаки.

— Игорёк... — выдохнула она, сокращая дистанцию до опасного минимума. — А чего один скучаешь?

— Ксюша, иди к бассейну, — сухо сказал я и выставил ладонь, обозначая границу. — Тебя там Леся ждёт наверняка. Сейчас Сашка придёт.

Вообще не услышала. Пьяный мозг заблокировал любые отказы. В глазах азарт - урвать чужое добро. Вместо ответа она сделала резкое движение руками за спину, и мокрый лифчик купальника со шлепком упал на доски.

Меня затошнило от брезгливости. Перед носом - её большая голая грудь. Физиология сработала сама, помимо воли взгляд за секунду отметил всё: тёмные коричневатые соски, крупную родинку чуть выше левой ареолы. Ксюша шагнула ко мне, буквально впечатывая меня спиной в стену веранды.

— Эй! Ты что...

— Да ладно тебе... Сашка не узнает, — прошептала она, и её тухлый алкашный выдох обжёг шею.

Я опешил на секунду от такой запредельной наглости. Руки взлетели сами, перехватил её за мокрые плечи, собирался жёстко оттолкнуть не соображающую девушку от себя и рывкнуть так, чтобы хмель из башки выбило. Но Ксюша оказалась тяжёлой и липкой, как сырая глина. Пьяное вожеление сделало её движения непредсказуемыми. Вместо того чтобы отлететь, она всей тушей навалилась на меня, увлекая вниз, и неуклюже рухнула на колени прямо на пол.

И её пальцы сразу с безумной скоростью вцепились в плотную резинку моих плавков, с силой потянув их вниз.

— Пошла вон! — хриплый рык вырвался из горла, я дёрнулся, пытаюсь высвободить таз, перехватить её запястья, убрать её руки от своего тела...

И тут я услышал скрип мокрой половицы за углом веранды. Мир вокруг замер, превращаясь в стоп-кадр. Воздух в лёгких мгновенно заledenел, а сердце сделало тяжёлый кувырок под рёбрами и сдохло. Я вскинул голову. На входе стояла Сашка. В пушистом белом халате. Моё солнце бледнело на глазах, губы затряслись, а в зелёных глазах было столько боли и рушащегося в пыль доверия, что меня самого будто током прошило. Она смотрела на Ксюшу на коленях, на её голые сиськи, на её руки на моих плавках. Для неё, со всей её чистой, неискушённой верой в меня, картинка была однозначной. Конечной. Расстрельной. В её глазах я сейчас стал точно такой же гнидой, какой меня и пытались выставить всё это время...

— Саш... Это не то, что ты подумала, — этот дебильный штамп вырвался сам. Голос предал, застряв в сухом горле. Внутри всё похолодело от леденящего ужаса.

Сашка сделала пару шагов назад, непрерывно качая головой, словно пыталась проснуться от кошмара. Я рванул к ней, напроць забыв про девку на полу, протянул руки, умоляя остановиться, выслушать: «Стой, послушай... дай секунду...»

— Не трожь меня! — истошный, хриплый крик полоснул по ушам, как бритва.

Видать, Сашка вложила в следующий шаг всю свою ярость, всю боль, и со всей дури ударила меня двумя ладонями в грудь. Я не ожидал такого отчаянного отпора. Нога поскользнулась на влажных от мокрых следов досках. Баланс я потерял мгновенно и полетел спиной назад. Раздался сухой треск ломающегося дерева, и я нахер снёс декоративную стенку с плющом. Острая вспышка боли взорвалась в затылке, когда я ударился обо что-то твёрдое. В глазах потемнело, мир перевернулся, и по шее, по спине быстро потекло горячее и липкое.

Ксюша, испуганно взвизгнув, потеряла равновесие и неуклюже плюхнулась задницей на пол. Даже не подумав прикрыться, полезла ко мне, пытаясь спрятаться от Сашкиного гнева за моими плечами.

— Игорь! — заскулила она, и её голая упругая грудь со всей дури мазнула меня прямо по роже, оставляя влажный, мерзкий след.

Этот жест стал финальным гвоздём программы. Сквозь кровавую пелену в глазах я увидел, как на веранду выскочила Олеся, прибежал ошарашенный Бодя, как они застыли каменными изваяниями от шока. И я видел Сашку. Лицо было перекошено от нечеловеческой обиды.

Она страшно, грозно зашипела, глядя на нас, и каждое её слово падало мне на грудь раскалённой плитой. Она кричала Ксюхе про универ, про то, что защищала её от других, потом называла давалкой... А потом её взгляд, полный ненависти, переместился на меня.

— А ты... ты даже не вздумай больше приближаться к моему дому. Слышишь? Ты для меня отныне никто! Вы оба для меня никто. И звать вас никак. Уроды...

— Саша... — я обалдел, чувствуя, как внутри всё рассыпается на миллиарды осколков. Я терял её. Прямо сейчас, из-за тупой случайности и из-за чужой ошибки я лишился всего, ради чего дышал последний месяц. Всего того спасительного тепла, которое вытащило меня из петли бывших отношений.

Она развернулась и напролом бросилась в сторону раздевалок. Леська, матерно выругавшись, рванула за ней.

Я попытался подняться, но голова кружилась, а Бодя, подскочив, силой удержал меня за плечо:

— Игорь, твою мать, что тут случилось?! — Он уставился на рыдающую и голую Ксюшу.

— Пусти! — я яростно оттолкнул его, едва не упав снова. Кое-как поправил шорты, плевать желая на сочащуюся по шее красную струйку. Волосы были растрёпаны, в ушах звенело, а внутри разрасталась паника. Я кинулся в мужскую раздевалку, переодеваясь в темпе, поскольку прекрасно понял, что моя любимая сейчас просто сбежит и надо её остановить во что бы то ни стало.

Я вылетел на парковку как раз в тот момент, когда Саша и Леся уже подбегали к стоявшему у ворот такси.

— Саш, выслушай... — я на ходу попытался перехватить её.

Звук удара эхом разнёсся по всей округе. Смачная, хлёсткая, звонкая пощёчина прилетела мне точно в левую щёку. Голова дёрнулась в сторону. Выбежавшие следом на парковку Стас и Олег на заднем плане аж синхронно ухнули от неожиданности, притихнув. Я медленно сглотнул горькую обиду, чувствуя, как лицо горит не от удара, а от бессилия. В следующую секунду мой собственный взгляд налился опасной, дикой яростью. Я не желал мириться с таким унижением, но и не хотел причинять ей боль. Она не в себе, и я ей это прощу. Но меня же подставили. А она даже не хочет выслушать! После всего, что мы прошли, после того, как я был у её ног из-за подставы Иры, она швыряет меня в утиль, даже не дав сказать слова!

Я снова шагнул к ней и перехватил её тонкое запястье своими пальцами, сжимая их как тиски.

— Не пущу, — дико зарычал я ей прямо в лицо, теряя остатки цивилизованного лоска. — Мы не договорили!

— Отпусти, подонок! Отпусти меня! — она билась в моих руках, извиваясь всем телом, а её глаза горели такой ненавистью, что мне стало по-настоящему страшно. Она никогда прежде так не смотрела на меня... Никогда... Это было просто невыносимо.

— Игорь, блин, пусти её! Ты что, не видишь, в каком она состоянии?! — Леся попыталась вклиниться между нами, толкая меня в бок.

— Не мешай! — огрызнулся я, даже не повернув головы, продолжая держать Сашку.

Дверь такси распахнулась. Из салона вышел крепкий, хмурый водила предпенсионного возраста. Оценив обстановку - окровавленного мужика с диким взглядом и бьющуюся в истерике девчонку, он строго прищурился:

— Девушка, вам помощь нужна? Что происходит?

— Да! Пожалуйста, помогите! Вы же видите, этот человек пристаёт ко мне и удерживает силой! — Сашкин крик полоснул по живому. Она просила помощи у чужого мужика. Против меня. Против своего мужчины, которого ещё двадцать минут назад нежно целовала в бассейне.

— Эй, парень, слышь? Руки убрал от неё. Быстро, — ледяным, предупреждающим тоном окрикнул меня водитель, делая шаг вперёд и закладывая руку за спину.

Я замер. Внутренности будто выжгло напалмом. Я смотрел в Сашкины расширившиеся глаза и читал в них такую глубину укора, словно это я сейчас совершил самое страшное, гнилое предательство в истории, а не стоял секунду назад, готовый расшибить Ксюше морду за её фокусы. Мои пальцы медленно, по одному разжались, отпуская её руку. Пусть я и не хотел её отпускать. Ох как не хотел. Она смотрела на меня как на палача, брезгливо отпихнула с дороги и упала на заднее сиденье машины. Леся запрыгнула следом, с грохотом захлопнув дверь.

Такси с пробуксовкой рвануло с места, обдав меня волной горячего воздуха и пыли.

Я остался стоять на асфальте. Кровь из затылка уже успела пропитать воротник, лицо горело от пощёчины, а в груди разливалась ярость и обида.

Внутри полыхнуло так, что перед глазами встала багровая пелена. Напряжение, державшее меня на парковке, лопнуло. Развернувшись, я рванул обратно в комплекс. Пацаны едва поспевали за мной, что-то крича в спину, но я не слышал. Мне было плевать на приличия, на правила и на то, как я выгляжу со стороны - с разбитой головой, в мокрых шортах и с гневным взглядом.

Я с ходу нанёс удар ногой по двери женской раздевалки. Створка с грохотом отлетела, ударившись о стену.

Внутри взвизгнули. Ксюху, завёрнутую в махровый халат, как раз пытались успокоить девчонки. Она сидела на лавке, размазывая тушь по лицу, и жалобно хныкала, корча из себя невинную жертву. Стоило мне вломиться, как её плач мгновенно оборвался. Следом за мной в помещение вбежали Бодя, Стас и Олег, готовые, если что, удерживать меня втроём.

Но держать меня было не нужно. Я подошёл к ней вплотную, нависая всей своей тушей, и резко ткнул пальцем прямо в её заплаканное лицо.

В этот миг во мне боролись два полярных желания. Боль в затылке пульсировала, и хотел просто схватить эту тварь за патлы и долбануть со всей силы об кафельный пол, чтобы она на собственной шкуре ощутила хотя бы сотую долю той херни, которую только что устроила. Но, разумеется, я не стал делать подобного. Я не маньяк, не зверь, и избивать женщин - так вообще последнее дело, до которого уважающий себя мужик никогда не опустится. Вместо этого я вложил всю свою ярость в голос.

— Значит так, — процедил я сквозь зубы, и от моего хриплого, вибрирующего шёпота девчонки испуганно вжались в угол. — Ты сейчас вытираешь свои сопли, садишься в машину и едешь к ней! И расскажешь всё как было, от первого до последнего слова. Ты поняла меня?!

— И-Игорь... — проблеяла шатенка, глядя на меня своими испуганными, внезапно протрезвевшими глазами. В них больше не было того азарта и похоти, только страх. — Прости... меня... Я не хотела...

— Рот закрой! — рявкнул я так, что зазвенели зеркала над раковинами. — Чтобы через час была у неё дома.

Я резко развернулся, едва не задев плечом Богграда, вылетел из женской раздевалки и быстрыми шагами направился в мужскую, на ходу вытирая свежую кровь, снова потекшую по щеке. Желание крушить всё на своём пути по-прежнему разрывало изнутри.

Бодя догнал меня уже у шкафчиков. Он перехватил мою руку, заставляя остановиться, и заглянул прямо в глаза:

— Игорь, тормози! Тормози, ёпт, остынь! Послушай меня. Дай Саше время. Она сейчас на таких эмоциях, что ты хоть кричи, хоть на колени встань - она тебя просто не услышит. Ей надо самой это переваривать.

Я сбивчиво и хрипло дышал, уставившись в стену. На своих собственных эмоциях, когда в ушах бухала кровь, я еле слышал его слова. Они долетали до меня как сквозь толщу воды. Хотелось послать его, прыгнуть за руль и мчаться за такси, перехватить её, обнять и не отпускать. Но остатки здравого смысла, которые забились в самый дальний угол головы, подсказали: Бодя прав. Силой я сейчас сделаю только хуже.

Я закрыл глаза, сделал медленный, глубокий вдох и на секунду прижался лбом к холодному металлу шкафчика.

— Ладно, — глухо бросил я, оборачиваясь к другу. — Ладно... Ты прав. Ей надо остыть. Но сидеть сложа руки я не буду.

Боград понимающе кивнул и хлопнул меня по плечу.

Он не дал мне погрязнуть в этой грызущей панике. Мы вместе дошли до медпункта, где меня подлатали - хорошо, что зашивать не пришлось. Так, царапинка... Ну и фурия у меня, конечно... Буду до конца жизни на ней подтрунивать! А потом мы дошли до администрации комплекса. Бодя взял на себя все разговоры с администратором, пока я молча стоял рядом, напоминая своим видом выходца с бандитских разборок. К счастью, панибратский тон здоровья и пара крупных купюр, ненавязчиво опущенных на стол перед бледным начальником охраны, сотворили чудо.

Уже через пятнадцать минут мы сидели в каморке службы безопасности перед мерцающим монитором.

— Вот этот ракурс, — ткнул пальцем охранник.

На экране в идеальном качестве, чётко и со всеми деталями, развернулась вся хронология моего кошмара. Вот я выхожу на веранду один. Вот ко мне подкрадывается пьяная Ксюша. Вот я выставляю руку, обозначая границу, а она буквально нападает, сдёргивая купальник. Мужики пикантно хмыкали, а вот мне было мерзко до сих пор. Неприятно, когда до тебя домогаются. Видно было каждое моё движение, как я пытаюсь оттолкнуть её, как перехватываю руки, как она сама падает на колени и силой тянет мои плавки вниз. А следом и появление Саша.

Это было стопроцентное, железобетонное алиби. Видеозапись полностью, без единого зазора подтверждала мою невиновность. На ней не было двусмысленности, там было чистой воды нападение неадекватной бабы на мужика, который отбивался как мог.

Я бережно забрал флешку с сохранённым файлом, сжимая её в кулаке так, словно это был мой единственный пропуск обратно в жизнь. Обида внутри никуда не делась, затылок продолжал ныть, но теперь у меня было оружие. Вот эти-то записи, Сашуле я и покажу. И тогда мы поговорим совсем по-другому.

Ночь встретила меня маревом столичных окраин. Уже в ночи я заглушил двигатель у её дома. Безумие, копившееся во мне всю дорогу от SPA-комплекса, требовало выхода. Я ехал по МКАДу и выл от ярости, колотя ладонями по рулю. Как, как можно было за один миг превратить всё наше выстраданное счастье в пепел? За что мне это? За то, что не трахнул Иру, когда хотел, за то, что противостоял Ксюше, за то, что держался зубами только за Сашку, а в итоге получил клеймо насильника и изменщика от самой же Саша? Что же это получается? Быть честным и ответственным человеком - дело неблагодарное?!

Я взлетел на третий этаж, перепрыгивая через две ступени, и обрушил кулаки на хлипкую деревянную дверь её квартиры.

— Саша! Это я... Открой, нам надо поговорить! — мой голос, сорванный и сиплый, эхом разлетался по унылому, пропахшему старой побелкой подъезду. Я надавил на звонок.

За дверью стояла мёртвая тишина. Но я кожей, каждым нервным окончанием чувствовал, что она там. Что они обе там с Леськой. Из глубины квартиры доносился едва различимый, глухой шум льющейся в ванной воды. Она пряталась от меня. Заперлась, отмывая несуществующую грязь, пока я сходил с ума на коврике у порога. Она смывала мои прикосновения, мой запах, всё то, что мы строили по кирпичику в этой самой квартире?

Дверь открыла Лесьа и тут же протянула мне чемодан. Я отпихнул её, обошёл комнаты, чтобы убедиться, что Сашка нигде не прячется. Но нет, шум воды всё-таки выдавал её в ванной. Она пыталась заглушить плач, но я всё равно слышал, как ей больно.

— Саш, я никуда не уйду! Слышишь?! Это твоя подруга, она была в хлам, она сама! Я хотел её оттолкнуть! Саш, открой дверь, не доводи меня! Выслушай! — я перешёл на крик,

молотя по деревянному полотну ладонями. Стены квартиры, казалось, вибрировали от моих ударов.

— Ты её пугаешь! И меня! — Леся вжалась в угол прихожей.

— Я ничего вам не сделаю! Я просто хочу с ней поговорить, у меня есть видео! Саш, я хочу тебе кое-что показать! Милая! Слышишь?!

Но она мне не ответила.

— Эта сука тут была? Ксюша приезжала?

— Нет... — ошарашенно ответила Леся.

— Тварь! Она должна была признаться Саше, что она сделала!

— Игорь... Ты не в себе, тебе лучше пока уйти...

— Никуда я не уйду, пока она мне не откроет и не посмотрит видео!

Это мучение продолжалось около часа. Я умолял, ломал ногти о замки, орал, срывая голосовые связки, вспоминал наш первый раз, наше первое свидание, падение в пруд, наши прогулки по вечерам, всё, что должно было напомнить ей, кто я для неё. А потом снова скатывался в шёпот, прижимаясь лбом к холодному дереву. Пустота внутри разрасталась, заполняя лёгкие чёрным дымом. Она не верила. Она просто вычеркнула меня вот так из своей жизни. Она не дала мне ни единого шанса.

Наверху открылась дверь. На лестничную площадку вышел заспанный, злой мужик в мятых шортах - сосед. Олеся почему-то не закрыла входную дверь. Хотя как это «почему-то»... Она откровенно боялась меня.

— Эй, амбал, ты задолбал уже весь дом будить! — крикнул он, опасливо держась за перила. — Убирайся отсюда, пока голову не проломили! Или мы ментов вызовем!

— Пошёл ты! — рявкнул я, даже не оборачиваясь, и снова нанёс тяжёлый удар в дверь ванной комнаты. — Саша!!!

Полиция приехала быстро. Видимо, жильцы проявили редкую солидарность. Шаги тяжёлых берцов по ступеням я услышал, когда уже почти обессилел, привалившись спиной к косяку. На площадку поднялись двое патрульных в бронежилетах, с автоматами наперевес.

— Так, гражданин, руки на стену. Гражданин, я кому сказал? На стену! — молодой сержант резко рванул автомат с ремня.

Я медленно повернулся, глядя на них сквозь пелену головной боли. Руки в крови от ударов, взгляд дикий - картина для наряда была предельно ясной.

— Мужики, хорош... Мне просто поговорить надо со своей девушкой, — глухо произнёс я, выставляя пустые ладони.

— В отделении поговоришь. На выход, быстро. Ещё один выкрутас и поедешь в наручниках за сопротивление, — старший наряда, плотный капитан, жёстко перехватил мой локоть, заламывая руку за спину.

Я не стал сопротивляться. Силы ушли, оставив после себя только апатию. Меня повели вниз по тёмной лестнице. Проходя мимо окна между вторым и третьим этажом, я бросил последний взгляд на прихожую, в которой испуганно стояла Олеська. А за дверью ванной комнаты по-прежнему шумела вода, смывая наше нехитрое, размеренное счастье в канализацию.

Меня вывели на улицу, где у подъезда уже мигал синими огнями полицейский УАЗик. Я сел на жёсткое сиденье в «стакане» машины, прижался затылком к холодному металлу перегородки, чувствуя, как свежая кровь снова потекла по шее, и закрыл глаза.

Глава 2: Разнос.

«Стакан» полицейского УАЗа - это такая малоприятная, узкая, железная коробка, где коленями упираешься в собственную грудь и молишься, чтобы поездка закончилась побыстрее. Машина прыгала по лежащим полицейским, и каждый толчок отзывался в пробитом затылке режущей вспышкой, словно мне туда вгоняли толстенную иголку или кто-то копошился своими мерзопакостными когтями. Кровь на шее окончательно подсохла, стянув кожу противной коркой.

Внутри этой железной бочки воняло резиной, перегаром и будто бы рвотой, которую плохо убрали. Я сидел в темноте, слушая ровный гул глушителя, и тупо смотрел перед собой. Злость никуда не ушла, она просто застыла, превратившись в многопудовый камень, который давил на лёгкие. Перед глазами до сих пор стояло лицо Саши... Как она кричит на меня... Как говорит, что я для неё умер... То, как она просила помощи у таксиста. У чужого мужика. Против меня. Эта мысль жгла сильнее, чем разбитая голова. Я ведь готов был за неё любого в асфальт закатать, а она выставила меня конченным уродом перед моими же друзьями.

Машина резко затормозила. Скрипнули тормоза, грохнула тяжёлая задвижка, и дверь «стакана» распахнулась.

— На выход, — хмуро бросил сержант, дёрнув подбородком.

Я вылез наружу, едва не упав, потому что ноги затекли от сидения в три погибели. Нас привезли во внутренний двор районного ОМВД. Вокруг глухие стены, серая краска, над козырьком тускло мигает жёлтая лампочка, собирая вокруг себя мошкарку. Меня провели через двойной тамбур с железными решётками прямо к дежурной части. За толстым стеклом сидел уставший капитан с багровым лицом, нехотя перебирая какие-то рапорты.

— Кого привели? — не поднимая головы, буркнул он.

— Семейный дебош на семнадцатой Парковой, — доложил старший патрульный. — Дверь ломал, соседей на уши поднял, на замечания не реагировал. При задержании пытался качать права.

— Фамилия, имя, отчество, — капитан наконец поднял на меня взгляд. В его глазах было столько равнодушия, будто я у него уже сто пятидесятый такой за день.

— Лазарев Игорь Владиславович, — глухо ответил я.

— Шнурки, ремень, телефон, ключи - всё на стол. Деньги, документы туда же.

Я молча вытащил из карманов шорт ключи от машины, паспорт и ту самую флешку, которую сжимал в кулаке как единственное спасение. Пальцы неохотно разжались. Кусок пластика со стуком упал на деревянную стойку рядом с моим паспортом. Капитан брезгливо пересчитал вываленную мелочовку, записал всё в протокол досмотра.

— Звонок положен? — спросил я, чувствуя, как голос садится.

— Положен. Пять минут, — дежурный пододвинул ко мне стационарный дисковый телефон, старый, обшарпанный. — Набирай.

К своему стыду, я сначала затупил, не соображая, как тут набирать... Немного поглядел на этот раритет и вроде как догадался. Но затем замер на секунду. Кому звонить? Пацанам? Бобе, Стасу? Они и так на ушах, ничем мне сейчас здесь не помогут, только под окнами отдела дежурить будут. Семейному адвокату? Блин, в такой час... Оставался один вариант. Человек, которому я меньше всего хотел звонить в таком виде, но который мог вытащить меня из этого болота одним щелчком пальцев.

Я набрал наизусть знакомый номер. Трубку сняли после третьего гудка. Никакого сонного голоса - Аркадий всегда спал чутко, как на пороховой бочке.

— Слушаю, — раздался в трубке его сухой, ровный бас.

— Это я, — я сглотнул вязкую слюну. — Я в ОМВД Измайлово. Задержали за дебош. Вытащи меня отсюда.

Отвечать не спешили. Я почти слышал, как Аркадий на том конце провода закрывает глаза и массирует переносицу.

— Ждите, Игорь Владиславович, — коротко бросил он и повесил трубку. Короткие гудки забили в ухо.

Капитан забрал у меня телефон, кивнул конвойному:

— Давай его в КАЗ. До утра, пока трезветь не начнёт.

Меня привели к тяжёлой железной двери со смотровым глазком. Ключ повернулся в замке три раза с противным, лязгающим звуком. Дверь приоткрылась, и меня буквально впихнули внутрь.

Камера административно задержанных, в простонародье обезьянник, встретила меня убойным амбре. Воняло тут хуже, чем в «стакане», мочой, сигаретами и мужским потом. Пространство три на четыре метра, вдоль стен стояли узкие деревянные нары, привинченные к полу. А из освещения тут только одна тусклая лампочка под потолком, защищённая густой стальной сеткой. На полу слой серой пыли, углы заплёваны и кое-где аж заблёваны. Вот тут-то я и пришёл в ужас. Не подцепить бы чего... А с другой стороны, когда мы с Сашкой помиримся, буду перед ней этими стрёмными воспоминаниями щеголять, а она охать и ахать, и осыпать меня поцелуями в слёзных извинениях, что из-за неё пришлось мне так настрадаться. Разумеется, я всё ей прощу, но сексуально буду долго и упорно наказывать.

На нарах сидели двое. Один был тихий, помятый работяга в грязной спецовке, уткнувшийся носом в колени и мерно сопящий. От него разлило перегаром так, что я сам окосел. Второй обитатель сидел в углу, развалившись на деревянном настиле. На вид лет двадцать пять, треники с вытянутыми коленями, дешёвая олимпийка, натянутая на худое жилистое тело, и короткая стрижка. Глазки маленькие, шустрые, крысиные. Я не уверен, но вроде как таких называют гопниками.

Когда меня впустили, он даже оживился. Оценил мой рост, плечи, а потом взгляд его сполз на окровавленную шею и мокрые брендовые шорты.

— Опа-чо, — ухмыльнулся он, обнажив желтоватые зубы. — Гляньте, какого кабанчика к нам занесло. Слышь, чё с репой? Бабёнка какая сковородкой пригрела?

Я проигнорировал его. Вообще. Мне сейчас было настолько не до него, что его дребезжащий голос казался писком надоедливой комары. Кое-как выбрав место почище, я прошёл в противоположный угол, сел на свободный край настила, опёрся спиной о холодную стену и закрыл глаза. Затылок разламывался. Тот дикий адреналин, который гнал меня по МКАДу и заставлял колотить в дверь Саши, полностью испарился. Вместо него пришла невероятная усталость.

«Что я здесь делаю? — тупо крутилось в голове. — Как я до этого докатился? Сажу в обезьяннике, как последний бич». От мысли, что Сашка сейчас там, за закрытой дверью, перебирает в уме картины с веранды, внутри всё клокотало.

— Слышь, малой, ты чё, глухой? — гопник на нарах не унимался. Моё молчание он, видать, принял за слабость или испуг. Он поднялся, поигрывая плечами, и сделал два шага в мою сторону. — Я с тобой разговариваю, абонент — не абонент. Ты с какого района вообще? Чё молчишь, как мышь? Шорты нарядные, рубашечка с крокодильчиком, бабки есть, походу? Давай корешиться, йопть.

Я медленно открыл глаза. Посмотрел на него снизу вверх. Прямо в его маленькие, наглые зрачки. Пелена ярости, которая утихла было на пару минут, снова начала подниматься из глубин желудка. Мне нужен был объект для разрядки. Мне до безумия хотелось пустить кому-нибудь кровь, просто чтобы сбросить это дикое напряжение ночи. И этот придурок сам напрашивался на роль груши.

Я встал во весь свой немаленький рост. Расправил плечи. Гопник как-то сразу притих, его ухмылка слегка сползла, а сам он непроизвольно сделал полшага назад. Разница в весе у нас была килограмм пятнадцать, и это были не жировые отложения.

— Слушай сюда, прыщ, — сказал я очень тихо, но так, что даже спящий в углу работяга завопил. — Если ты сейчас не сядешь обратно на свою жёрдочку и не закроешь свой клюв, я до утра буду размазывать тебя по этому кафелю. Менты не прибегут, им насрать. А у меня сегодня такой день, что мне абсолютно плевать, сколько мне за тебя добавят. Ты понял меня?

Я шагнул к нему, сжав кулаки так, что суставы хрустнули в тишине. Гопник сглотнул. Наглость с него слетела, как шелуха. Он оценил мой дикий взгляд, окровавленную рожу и понял, что перед ним не «сладкий мальчик», а человек, который реально сейчас готов его покалечить без лишних разговоров. И в его взгляде я увидел то, что порой видел в глазах друзей, Алины и Сашки, когда я не в настроении... Страх.

— Да ладно, чё ты... я ж просто поинтересовался... Чё сразу быковать-то... — забормотал он, боком-боком возвращаясь на свои нары. Усел в самый угол, подогнул ноги и уставился в пол, больше не издав ни звука.

Я снова сел. Время потянулось со скоростью помирающей улитки. Минуты казались часами. Я смотрел на грязный пол, и внутри меня поочерёдно выжигали то злость на Ксюшу, то обида на Сашу, то полное отчаяние.

Прошло около полутора часов. За решёткой слышались шаги. Замок снова лязгнул. Дверь распахнулась, и на пороге появился дежурный капитан. Тот самый, который общался со мной как с грязью под ногтями. Сейчас его лицо выражало странную смесь угодничества и натянутой вежливости. Он даже фуражку поправил.

— Лазарев Игорь Владиславович, на выход, — произнёс он, демонстративно не глядя в сторону остальных задержанных.

Я поднялся, на ходу поправляя шорты, и вышел в коридор. Около дежурки стоял Аркадий. Он посмотрел на меня. Задержался взглядом на моей разбитой голове, на грязных шортах, на сбитых в кровь кулаках. И мне показалось, я увидел во взгляде иронию... Не понял, конечно, почему он иронизировал. Что тут такого ироничного-то? Ну ладно злость там, зло-радство может быть... Но ирония?

Дежурный капитан протянул мне пластиковый лоток с моими вещами, улыбаясь:

— Вот, Игорь Владиславович, ваши личные вещи. Паспорт, ключи...

Аркадий забрал у него какую-то бумагу, быстро расписался и коротко бросил:

— Вопросов к отделу нет. Поручительство оформлено, обязательство о явке у нас. Всего доброго.

Полиции за стеклом проводили нас взглядами. Один из оперов, кутивших у окна, тихо, но так, чтобы я слышал, ухмыльнулся своему напарнику:

— Ну надо же, Лазарев собственной персоной. Что-то парень из криминальных хроник не вылезает... Видал, как его разукрасили? Краля какая-то от него в ванной спряталась... Зверь, походу.

Я резко повернул голову в его сторону, чувствуя, как кулаки сами сжимаются, но Аркадий жёстко положил мне руку на плечо. Его пальцы сжались как стальные тиски, заставляя двигаться к выходу.

— Шагайте вперёд, Игорь Владиславович, — негромко, но так, что спорить было бесполезно, скомандовал он.

Мы вышли на улицу. Ночной воздух после душного обезьянника показался чистым, но он не принёс облегчения. У крыльца отдела стоял огромный чёрный внедорожник Аркадия, матово поблёскивая в свете фонарей. Водитель мгновенно выскочил из салона, открывая заднюю дверь.

Мы сели на заднее сиденье. Аркадий достал из кармана переднего сиденья влажные салфетки и молча протянул мне. Я взял пачку, вытащил одну и начал стирать с шеи и затылка засохшую кровь. Салфетка мгновенно стала багровой. Хотя меня в медпункте и обработали, но кровь, похоже, долго не останавливалась. Да, зайка приложила меня - будь здоров. Моя девочка.

Машина плавно тронулась с места и покатила по пустым улицам спящей Москвы. Несколько минут мы ехали в полном молчании. Аркадий смотрел в окно, барабанил пальцами по кожаному подлокотнику. Я ждал вопросов. Я просто знал, что они должны были быть...

Наконец он повернулся ко мне. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим.

— Рассказывайте, — сухо, без лишних предисловий нажал он. — Что там опять за Санта-Барбара? Откуда кровь? Почему дверь ломали? Что с Александрой?

Я швырнул грязную салфетку в подстаканник и устало потёр лицо ладонями. Говорить не хотелось, но скрывать что-то от Аркадия было глупо. Он и сам узнает рано или поздно, да и просто по-человечески же хочет поддержать... Я это чувствую.

— Да, карма у меня что ли такая? Подстава подстав случилась, — глухо начал я, глядя в свои колени. — Всё произошло в SPA-комплексе, мы там с пацанами и девчонками отдыхали. Саша отошла в дамскую комнату. Я вышел на веранду подышать. Туда припёрлась её подруга, Ксюша. В хлам пьяная. Видимо, зависть бабская крышу сорвала. Начала вешаться на меня, лифчик сбросила, навалилась всей тушей... Я пытался её оттолкнуть, перехватить руки, а она потеряла равновесие, упала на колени и вцепилась в мои плавки, потянула вниз. И в этот самый момент из-за угла выходит Саша.

Аркадий слушал молча, не перебивая, только брови его чуть сошлись к переносице.

— Картинка для неё была однозначной, — продолжил я, чувствуя, как внутри снова закипает горькая обида. — Саша решила, что я ей изменяю с её шлюховатой подругой... У неё истерика началась, она меня ударила в грудь, я поскользнулся на мокрых досках, снёс спиной декоративную стенку и пробил затылок об какую-то раму. Она уехала на такси. Я рванул за ней, хотел объяснить, поговорить... Дверь открыла Леся, её вторая подруга, выкатила мне чемодан с моими вещами. А сама Саша заперлась в ванной от меня... Я просто пытался достучаться до неё. Хотел с ней поговорить... Но она меня игнорировала. Но ты не думай... Я не хотел как-то ей навредить или обидеть, наоборот... Ну и соседи вызвали полицию. Вот и всё.

Я вытащил из кармана шорт флешку, которую мне вернули дежурные, и показал Аркадию на ладони.

— Но у меня есть доказательство. Мы с Бодей выбили видео с камер наблюдения комплекса. Там всё чётко видно от первого до последнего кадра. Видно, как её подруга на меня нападает, и как я отбиваюсь. Запись полностью подтверждает мою невиновность. Железобетонно. Я чист! Но Саша даже слушать меня не стала! Она просто выставила ублюдком перед пацанами и вызвала ментов чужими руками!

Аркадий молча забрал у меня из рук флешку. Покрутил её в пальцах, посмотрел на свет, а потом вернул обратно.

— Вы дурак, Игорь Владиславович, — тихо, но веско произнёс он. — Круглый, набитый дурак. Силой женщину заставить верить нельзя. У неё сейчас шок, понимаете вы это или нет? А тут ещё вы прилетаете... Весь окровавленный, дикий, с безумными глазами, и начинаете выламывать двери в её квартире. Вы чего добивались? Чтобы она от страха там умерла? Запись ваша — золото, спору нет. Но покажи вы её ей сейчас, в ту секунду, она бы её в окно выбросила или об стену разбила. Она бы ничего не увидела, потому что у неё перед глазами стояла та сцена с веранды. Ей нужно время. Дайте ей сутки. Пусть побудет в этом, пусть подруга её поутешает. А завтра, когда у неё включится мозг, вы придёте к ней не как безумный дебошир, а как мужчина, которому нечего скрывать. Спокойно положите планшет на стол и включите видео.

Аркадий замолчал, уставившись в окно. Слова его трезвили лучше, чем холодная вода. Он был прав. Мой напор, моя паника только усугубили ситуацию. Саша видела во мне угрозу, видела зверя, который пытается силой ворваться в её мир.

— Приведите себя в порядок, Игорь, — добавил Аркадий, когда внедорожник плавно затормозил у ворот моего дома. — Вечером поедете к ней. Машину уже отогнали от её дома и вещи ваши забрали. Сутки пройдут, как раз всё уляжется. И сделайте так, как я сказал, только без эмоций...

Я кивнул, поблагодарил его и вышел из машины. Но на этом моя весёлая ночь не закончилась. Внедорожник Аркадия высадил меня у ворот родительского особняка. Охрана на въезде среагировала мгновенно, заведя мой потрёпанный вид, начальник смены лишь понимающе и глухо козырнул, не задавая лишних вопросов. Я быстрым шагом пересёк безупречно подстриженный газон, поднялся по гранитной лестнице и толкнул дверь.

В холле было тихо, но стоило мне сделать несколько шагов в сторону жилого крыла, как из огромной, залитой предрассветными сумерками гостиной донёсся негромкий стук фарфора. Я замер в арочном проёме. Отец сидел в глубоком кожаном кресле у панорамного окна, выходящего на розарий. Перед ним на низком столике стояла полупустая чашка чёрного кофе. Он не спал. Судя по его взгляду, он сидел здесь давно. Ждал меня. Видимо, Аркадий или ещё кто-то держал его в курсе моих ночных приключений, но сам он в ментовку пачкаться не поехал и ждал дома, чтобы устроить разнос на своей территории.

Отец медленно поднялся. Его высокая, до сих пор крепкая фигура в домашнем шёлковом халате поверх рубашки казалась медвежьей в полумраке огромного зала. Лицо оставалось непроницаемым, но в глазах горел настоящий гнев, который он сдерживал всё это время. Он сделал несколько шагов ко мне, разглядывая мою разбитую голову, грязные шорты и сбитые в кровь кулаки.

— Ну здравствуй, сын, — его голос прозвучал на редкость грозно. — Хорош. Ничего не скажешь. Из обезьянника под утро... это как раз то, чего мне не хватало для полного счастья. Прекрасное пополнение семейного портфолио.

— Отец, там долгая история... — попытался было вставить я, проходя вглубь комнаты и мечтая просто доползти до своей душевой.

— Закрой рот и послушай меня! — вдруг рявкнул он. Он резко шагнул ко мне и жёстко ткнул пальцем прямо мне в грудь. — Я никогда не лез в твою личную жизнь! Ты это знаешь! Я давал тебе столько свободы, сколько ты хотел! Занимайся проектами, управляй активами, крути романы с кем хочешь! Я не контролировал твоих женщин и не читал тебе нотации, пока ты держал планку и вёл себя как Лазарев! Но теперь я вмешаюсь! Потому что то, что происходит с тобой в последнее время, это уже край!

Отец тяжело дышал от переполняющего его гнева, его глаза буквально буравили меня насквозь, выжигая остатки моего сонного оцепенения.

— Ты с этой девушкой совсем другим стал, Игорь! Сам на себя не похож! Посмотри на себя со стороны, во что ты превратился?! Какой-то загнанный, дёрганный мальчишка. Из крайности в крайность кидаешься. Где твоя холодная голова? Где твоё мужское самолюбие, в конце концов? Ты ради неё бросил девушку, с которой прожил два года, практически ушёл из отчего дома, ползаешь перед ней на коленях, умоляешь её о чём-то... Да! Мне всё доложили! Как ты перед ней унижаешься! А она? Посмотри, сколько несчастья и деградации она принесла в твою жизнь!

Я молчал, сжав зубы до хруста. Слова отца били наотмашь, без промаха, прямо по живой, кровоточащей ране. Против его железной логики сейчас у меня не было аргументов.

— Сначала эта история с Ирой, где тебя чуть под статью не подвели! — продолжал наступать отец, его лицо багровело от праведного гнева. — Теперь этот цирк в SPA, разнесли им всё в хлам там своими разборками! Голову пробил! В обезьянник загремел! У тебя милли-

ардные дела на кону, Игорь! У тебя имя, которое строилось десятилетиями моими руками! А ты сидишь в кутузке с местной швалью из-за того, что девчонка устроила тебе истерику! Она ломает тебя! Ты тратишь весь свой ресурс не на бизнес, не на развитие империи, а на то, чтобы доказать ей в её нищем подъезде, что ты не урод! Одумайся, Игорь, пока ты окончательно не сломал себе шею из-за этой любви!

Отец резко замолчал. Тяжело выдохнул, словно выплеснул всё, что копилось в нём со звонка от его стукачей-дознавателей. Он больше не сказал ни слова и просто развернулся и вышел из гостиной, направившись к себе. Я остался один посреди огромного, гулкого зала. В кармане шорт лежала флешка - мой единственный, последний патрон в этой войне за собственное имя. Предстояло пережить этот день. Самый длинный, самый тяжёлый и самый паршивый день в моей жизни...

Глава 3: Точка невозврата.

Врач приехал через полчаса. Частная вызывная служба, у которой в контракте жирным шрифтом прописан пункт о неразглашении, прислала пожилого, интеллигентного хирурга в медицинском костюме, из-под которого виднелась татуированная манжета - видать, в молодости на скорой в суровых районах накушался всякого. Он даже бровью не повёл, когда увидел меня на диване в малой гостиной: в окровавленной футболке, со сбитыми кулаками и диким взглядом. Для него это был просто ещё один дорогой вызов к сыну миллиардера, который с кем-то что-то не поделил в ночном клубе.

— Ну-с, молодой человек, давайте посмотрим на ваши боевые трофеи, — успокаивающим баритоном произнёс он, раскрывая свой массивный кожаный саквояж.

Он работал быстро и молча, за что я был ему искренне благодарен. Кожа вокруг раны горела, когда он промывал её антисептиком, а запах перекиси и спирта мгновенно перебил остатки своего и чужого перегара, вьёвшегося в ноздри.

— Рассечение глубокое, Игорь Владиславович. Сотрясения вроде бы нет. Шить не будем, обойдёмся медицинским клеем и специальными стяжками. Меньше шрамов останется, — комментировал он, аккуратно орудуя пинцетом.

Когда холодные полоски пластыря стянули края раны на затылке, мне наконец-то показалось, что я снова могу дышать. Гвоздь из головы вытащили. Доктор смазал мне сбитые костяшки на руках какой-то заживляющей мазью, выдал пару таблеток сильного анальгетика и, собрав инструменты, коротко кивнул:

— Три дня голову не мыть, горячий душ не принимать - только прохладный, и чтобы вода на затылок не попадала. Физические нагрузки исключить минимум на месяц. Вот ваши таблетки отёк снять. Доброго утра.

Когда за ним закрылась дверь, я залпом заглотнул таблетки, поднялся к себе в комнату и залез в душевую кабину. Пришлось извернуться, подставив под прохладные струи только спину и грудь, чтобы не размочить повязку. Вода стекала в слив грязными, розоватыми ручьями, унося с собой грязь, запах камеры, страх и унижение. Но легче не становилось. Внутри, чуть левее рёбер, продолжала быть пустота.

Я вышел из душа, натянул чистые спортивные штаны и серую футболку. Рука сама потянулась к мобильному, который лежал на тумбочке рядом с флешкой. Пять утра. Город за окном заливало бледным солнцем. Наверное, она сейчас спит. Или лежит на кровати, уставившись в потолок, подперев опухшее от слёз лицо подушкой. Думает обо мне. Проклинает.

Я вставил флешку в переходник, скинул тяжёлый видеофайл на телефон. Пальцы слегка подрагивали, когда я открывал мессенджер. Зашёл в наш чат. Наша последняя переписка - глупые смайлики, её аудиосообщение, где она смеётся и просит купить по дороге ветчину... Чёрт.

Я сел на край кровати, опёрся локтями о колени и начал писать. Без черновиков. Прямо из сердца, туда, где сейчас всё горело синим пламенем.

«Сашка, маленькая моя. Пожалуйста, не удаляй это сообщение. Выслушай меня, просто прочитай эти строчки.

Я пишу тебе это, и у меня внутри всё переворачивается от мысли, что ты сейчас чувствуешь. Мне плевать на ментов, плевать на разбитую голову, на то, что меня заперли ночью в камере - всё это полная херня по сравнению с тем, что я увидел в твоих глазах на парковке. Ты плакала из-за меня. Ты кричала, что я мёртв для тебя. И это самая страшная боль, которую я когда-либо испытывал в жизни.

Саш, я люблю тебя. Сильнее, чем можно вообще кого-то любить. Ты - лучшее, что случилось со мной за все мои годы, и я ценю тебя больше собственной жизни. Я бы никогда, слы-

пишь, никогда тебя не предал. Мне никто не нужен, кроме тебя. Все эти клубы, тусовки, SPA - это всё пустое. Мой мир - это ты. Я до безумия обожаю твой голос, когда ты сонная что-то бормочешь утром. Твои глаза, когда ты смотришь на меня и улыбаешься этой своей тёплой улыбкой. Твой запах на моих футболках, который я вдыхаю каждый раз, когда тебя нет рядом. Я не мыслю себя без тебя, Саш. Я уже разучился засыпать и просыпаться один, мне нужна твоя рука в моей руке, нужно чувствовать твоё дыхание рядом.

Я никого так не любил. И ради тебя я готов на всё - расшибиться в лепёшку, пойти против всего мира, изменить в себе всё, что тебя ранит. Только не молчи. Только не вычёркивай меня.

Ниже видео. Посмотри его, умоляю тебя. Посмотри своими глазами от начала и до конца. Это запись с камер SPA-комплекса. Там видно всё. Видно, как Ксюша пьяная вешается на меня, как я отталкиваю её, и как она падает, утягивая меня за собой. Я не прикасался к ней. Я чист перед тобой, клянусь всем, что у меня есть. Мне нечего скрывать.

Я очень жду твоего звонка, Саш. Мне нужно услышать твой голос. Просто скажи, что ты посмотрела. Я буду ждать сколько нужно. Я люблю тебя».

Я прикрепил видеофайл. Полоса загрузки поползла вперёд, съедая секунды моего ожидания. 80%... 95%... Сообщение ушло, и рядом с ним тут же высветилась пометка «доставлено». Я пялился на экран, гипнотизируя эти две бледные, ещё не загоревшиеся зелёным отметки: абонент не в сети, сообщение даже не прочитано. Она офлайн.

Я отложил телефон на матрас, лёг на спину, уставившись в белый потолок, и сжал кулаки. Смазка на костяшках неприятно холодила кожу. Экран мобильного тускло поблёскивал в лучах восходящего солнца. Всё. Мой ход сделан. Мой последний патрон улетел в темноту. Теперь оставалось самое сложное - ждать.

Дальше дела пошли гораздо хуже. Саша не отвечала. Ни на звонки, ни на сообщения, ни на истерические попытки моих друзей и даже Олеси хоть как-то достучаться до неё. Стена. Абсолютная, железобетонная стена. Я из последних сил сдерживался, чтобы не втянуть в это дерьмо Анну Степановну - понимал, что нельзя быть последним подонком и заставлять пожилую женщину переживать, хвататься за сердце из-за наших разборок. Ей-то за что это всё?

Дошло до того, что я просто стал караулить Сашку у подъезда, чтобы хоть на секунду увидеть её, перехватить, заставить выслушать. Но она не выходила из дома. Я знал, что она жива и здорова: в её окнах по вечерам загорался свет, я видел её силуэт на кухне. Пару раз случались моменты жуткой неловкости, когда она, подойдя к окну, натыкалась взглядом на мою машину. Саша тут же резко задёргивала шторы и пряталась в недрах квартиры. Чтобы не пугать её, я сменил тачку - взял у парней неприметный седан, стал парковаться в глубине двора, за деревьями.

И сидел там часами, как конченный маньяк, устраивал настоящую слежку.

Вспомнил, как точно так же проследил за ней после нашего самого первого свидания. Точнее, после шоппинга. Она тогда должна была встретиться с подружками, а я поехал следом, издали наблюдая, как она заходит в магазин. Помню, как к ней подошёл какой-то парень, и меня тогда накрыло такой дикой ревностью, что дышать стало трудно. Правда, по её лицу сразу было видно, что разговор ей неприятен - наверняка это был её бывший. Я тогда ещё испугался, что она меня заметит, ведь машина у меня была слишком яркая, приметная, и быстро скрылся в темпе. И вот теперь, спустя столько времени, я снова сижу во дворе, превратившись в одержимого преследователя.

Я заваливал её цветами через курьеров, отправлял подарки. Несколько раз сам поднимался, звонил в дверь, стучал так, что штукатурка сыпалась - ноль реакции. Все подосланные мной казачки, которых я просил заглянуть к ней под разными предлогами, возвращались с одним ответом: «Игорь, нам никто не открывает. Там будто нет никого». Но я-то точно знал, что она там. Сидит за запертой дверью и просто игнорирует моё существование.

А потом пришла стадия злости. Гордость, обида и бессилие смешались в такую ядовитую смесь, что меня сорвало. В очередной вечер, сидя в машине, я набрал её номер. И сразу же услышал короткие, прерывистые гудки. Это значило лишь одно - Саша заблокировала меня. Проверил мессенджеры - аватарка пропала, сообщения не доходят. Заблокирован везде.

В ту же секунду я просто слетел с катушек. Кровь бросилась в голову, затылок отозвался острой вспышкой боли. Я выскочил из машины, взлетел на её этаж, подлетел к двери и уже занёс кулак, чтобы выбить эту чёртову деревяшку к чертям собачьим... и замер. В памяти слишком живо воскрес прошлый раз. Разбитая голова, ухмылки ментов, обезьянник, ироничный взгляд Аркадия и слова отца, бьющие наотмашь.

Я хрипло задышал, глядя на обшарпанную обивку двери. Понял, что если сейчас начну ломать замок, это будет окончательный финал. Плюнул прямо под ноги, развернулся и пошёл вниз. Мне нужно было забыться. Срочно. Выжечь эту боль чем угодно. Я вызвал водителя. Если я сам мог доехать до места забвения, то уже оттуда самостоятельно выехать не смогу.

— В клуб, — бросил я водителю, садясь в машину. — В «Рай». Срочно.

В клубе было душно, шумно и дико. Басы вжимали рёбра внутрь, неоновые лучи резали полумрак, а алкоголь лился рекой. Я пил много. Виски шёл как вода, обжигая горло, но не принося нужного тупления в голове. Я сидел за VIP-столиком, мрачный, как дьявол, и просто наблюдал за копошащейся на танцполе массой, пока алкогольная злость окончательно не развязала мне руки.

Тогда я её и увидел. На краю танцпола, возле барной стойки. Яркая, эффектная блондинка в обтягивающем красном платье, на вид студентка-первокурсница. Около неё тёрся какой-то парень, судя по всему, её ухажёр, хлипкий, в модной шмотке, что-то вещавший ей на ухо. Девчонка кокетливо смеялась, крутя в руках бокал.

Меня переклинило. Захотелось доказать самому себе, что я всё ещё могу брать то, что хочу. Что мир не сошёлся клином на одной недоступной Саше.

Я поднялся со своего места, небрежно отодвинув охранника, и уверенным шагом направился к бару. Парень блондинки даже не успел сообразить, что происходит. Я просто вклинился между ними, бесцеремонно отодвинув его плечом, отчего тот едва не потерял равновесие.

— Слышь, ты чё... — вякнул было он, но я обернулся и посмотрел на него таким взглядом, что пацан подавился собственными словами. Рост, разворот плеч и ярость на моём лице заставили его мгновенно сдать назад.

Я повернулся к блондинке, перехватив её за талию и прижимая к себе. Она вскрикнула от неожиданности, но, оценив мой внешний вид, дорогие часы и уверенность, не стала вырываться. В её глазах вспыхнул огонёк.

— Пойдём со мной, — коротко бросил я, увлекая её за собой в сторону коридора, ведущего к туалетам.

Она что-то лепетала про подругу, про своего парня, но мне было плевать. Я затащил её в дальнюю, просторную кабинку VIP-зоны и с грохотом запер дверь на задвижку. Злость требовала выхода. Я развернул её спиной к себе, грубо прижав лицом к большому зеркалу над раковиной. Блондинка ахнула, когда я одним движением задрал подол её красного платья и бесцеремонно рванул вниз кружевные трусики.

Вспышка неона из-под щели двери скользила по её обнажённым ягодицам. Я навалился на неё сзади, чувствуя, как она прогибается в пояснице, тяжело и часто дыша. Свои джинсы я сбросил наполовину. Без лишней прелюдии, жёстко и глубоко, я вошёл в неё. Девчонка громко застонала, впиваясь пальцами в края раковины. Я двигался быстро, наотмашь, вбивая её в это зеркало, и сумасшедший ритм музыки за стеной подстёгивал мою пьяную похоть. Я брал её грубо, зло, вымещая на этом чужом, податливом теле всю свою обиду. Блондинка лишь всхли-

пывала и выгибалась, подстраиваясь под мои мощные толчки, пока я, сжав зубы, не кончил глубоко внутрь неё, на секунду зажмурившись от дикой разрядки.

Но этого было мало. Алкоголь требовал продолжения угара.

— У меня есть подружка, — тяжело дыша и поправляя размазанную тушь, прошептала блондинка. — Поехали в гостиницу?

Через полчаса мы уже ввалились в люкс загородного отеля. С блондинкой, которую, как оказалось, звали Катей, приехала её подружка - жгучая фигуристая брюнетка с пухлыми губами. Обе были уже «хорошие», подогретые коктейлями и запахом моих денег.

Я упал на огромную двуспальную кровать, раскинув руки, и на секунду прикрыл глаза, чувствуя, как матрас прогибается подо мной. Девчонки переглянулись, и по их лицам скользнула ухмылка - спелись мгновенно, словно не первый раз работали в паре. Катя забралась на кровать сбоку и принялась расстёгивать мои брюки дразняще, то и дело задевая пальцами напряжённую плоть сквозь ткань. А брюнетка отошла на пару шагов назад, к зеркальной стене, и, поймав мой взгляд, начала раздеваться.

Катя к тому моменту уже освободила меня от одежды и, не теряя времени, скользнула губами по моему животу, спускаясь ниже. Брюнетка присоединилась к ней через секунду, и вот уже обе они опустили передо мной на колени. Друг на друга им было откровенно плевать - их интересовал только член. Каждая тянулась к нему, как к единственному источнику тепла в этой комнате, и действовали они жадно, наперебой, пытаясь урвать свой кусок.

Брюнетка первая обхватила головку губами и втянула в рот, глубоко, с влажным, сосущим звуком, от которого у меня тут же запульсировало в паху. Она задала ритм, но мне этого было мало. Я запустил пальцы в её тёмные волосы, сжал в кулак и сам насадил её, заставляя принять глубже, до самого горла. Она всхлипнула, но не отстранилась, только шире развела колени, упираясь ладонями в мои бёдра.

Катя тем временем не терялась: пока брюнетка работала ртом, она обхватила ствол рукой и водила по нему то вверх, то вниз, то сжимая пальцы у самого основания, то скользя ими вслед за губами подруги. Иногда они менялись: брюнетка отстранялась, чтобы глотнуть воздуха, и тогда Катя тут же набрасывалась на член, заглатывая его с такой жадностью, будто боялась, что я сейчас исчезну.

А брюнетка в эти секунды откидывалась назад, закусывала губу и, глядя на меня пьяными, блестящими глазами, запускала пальцы себе между ног. Ласкала себя, пока по её бёдрам не потекло, и от этого зрелища меня самого вело так, что я снова хватал её за волосы и возвращал к своему паху, чтобы почувствовать, как её рот снова насаживается на член до упора.

Влажные чавканья, их сбитое дыхание, мои пальцы, сжатые в их волосах, всё смешалось в один сплошной, животный ритм, и я уже не контролировал, кто именно из них сейчас ласкает меня губами, а кто рукой. Я просто брал то, что они давали, и требовал ещё.

Потом я перевернул брюнетку на живот. Встал на колени сзади и с ходу, без долгих ласк, вошёл в её тугую, горячую попку. Она громко, протяжно застонала, уткнувшись лицом в подушку, пока её подруга Катя лежала рядом, лаская себя пальцами и наблюдая за процессом. Я двигался мощно, чувствуя, как алкоголь даёт мне бесконечную выносливость. Накрыв брюнетку своим телом, я довёл её до оргазма, а затем вытащил член и переключился на Катю.

Я трахал их по очереди, меняя позы, заставляя их стонать на всю комнату. Переворачивал, ставил на четвереньки, брал то одну, то другую. Когда очередная волна удовольствия подкатила к горлу, я вытащил член из Кати и спустил мощными струями прямо ей на упругую грудь и шею. Брюнетка тут же подставила лицо, и остатки моего семени попали ей на губы и высунутый язычок. Они смеялись, слизывая белые капли, а я обессиленно рухнул на подушки, чувствуя, как сознание окончательно уплывает в темноту.

Пробуждение было жутким.

Я открыл глаза около одиннадцати утра. Голова разламывалась так, словно вчера по ней топтался слон - затылок ныл, повязка подсохла и чесалась. Во рту было сухо, как в пустыне. Но самым страшным было не похмелье.

Рядом со мной, раскидав помятые простыни, спали две абсолютно голые, чужие девчонки. На тумбочке стояли пустые бутылки, на полу валялись шорты, лифчики, разбросанные презервативы. В комнате стоял стойкий, удушливый запах перегара, духов и секса.

И в эту секунду меня накрыло такой паскудной тоской, что затошнило. На душе стало так грязно и мерзко, словно я искупался в помоях. Зачем я это сделал? Кому и что доказал? Облегчения это траханье не принесло ни на грамм. Наоборот, пустота внутри Сашиного места расширилась до размеров чёрной дыры. Я предал сам себя. Я ползал у неё под окнами, умолял поверить, а стоило ей заблокировать меня - пошёл и намотал на член первых встречных девок в притоне. От собственного бессилия и ничтожества хотелось выть. Как мне смотреть ей в глаза, когда мы помирился?!

Я тихо, стараясь не шуметь, поднялся с кровати. Тело ломило. Кое-как натянул свои вещи, даже не заходя в душ - брезговал прикасаться к местным полотенцам. Посмотрел на спящих блондинку и брюнетку. На их лицах без макияжа проступила обычная, утренняя серость. Дешёвка. Полная дешёвка.

Я вытащил из кармана пачку пятитысячных купюр, швырнул её на столик у зеркала, не пересчитывая. Достал телефон, проверил - от Саши, естественно, ничего.

Не оглядываясь, я бегом выскочил из номера, захлопнув за собой дверь. Сбежал как последний трус. Быстрее на свежий воздух, подальше от этого позора.

Глава 4: Охотничий инстинкт

Три года - это вполне достаточный срок, чтобы построить холдинг, похоронить в себе остатки наивного пацана и научиться смотреть на людей как на строчки в финансовом отчёте. В двадцать шесть лет я окончательно вошёл в колею, которую мне пророчил отец, и наша девелоперская компания вместе с сетью коммерческой недвижимости подмяли под себя такие куски рынка, что Аркадий теперь общался со мной исключительно как со снобом-равным, а не как с подопечным мальчишкой, которого надо вытаскивать из обезьянника.

Я стал жёстче. Холоднее. Костюмы сделались дороже, взгляд равнодушнее, а прошлые штормы улеглись, оставив после себя лишь выжженную пустыню и тот самый синдром фантомной боли, когда старая рана вроде бы затянулась, но к непогоде её всё равно тянет и выворачивает наизнанку.

Отец в последнее время всё чаще заводил разговоры о внуках и продолжении династии, аккуратно подсовывая на закрытых ужинах дочерей своих статусных партнёров. Но я оставался закрыт. Девушки в моей жизни, конечно, были красивые, ухоженные, знающие правила игры. Они появлялись на пару ночей, получали свои дорогие подарки и исчезали, не оставляя следов ни в моём сердце, ни в моей спальне. Я считал, что полностью контролирую свои эмоции, и эта иллюзия меня вполне устраивала.

Пока в моей приёмной не появилась она.

Предыдущая секретарша ушла в декрет, и HR-департамент неделю просеивал через сито десятки резюме, выискивая кандидатку, способную выдержать мой ритм. Мне нужна была безупречная машина для графиков, звонков и варки правильного эспresso, ничего личного.

Когда дверь кабинета открылась, я даже не оторвал взгляда от аналитической записки по новому тендеру.

— Игорь Владиславович? К вам Татьяна на собеседование, — раздался голос HR-директора.

— Пусть войдёт.

Я поднял глаза и на секунду забыл, как дышать. Внутренний предохранитель, который я три года скрупулёзно выстраивал, жалобно звякнул и дал трещину.

Перед столом стояла ловушка для моего подсознания. Светлые, аккуратно уложенные волосы, огромные, пронзительно-голубые глаза, миниатюрная, хрупкая фигура - тот самый типаж, тот самый триггер, который когда-то помножил мою жизнь на ноль и отправил меня прямиком в обезьянник. Внутри поднялась моментальная волна циничного раздражения. «Специально они её подобрали, что ли?» - мелькнула злая мысль, и я уже готов был выставить её за дверь одним коротким «не подходит».

Но стоило Татьяне сделать шаг к креслу, как моё оцепенение сменилось чистым, исследовательским интересом. Нет. Это была не Саша. И даже близко не стояла. В Сашке была трепетная, порой беззащитная нежность, а в этой девчонке, несмотря на её ангельскую внешность, сквозила такая порода и хищная уверенность, что у меня внутри непроизвольно включился охотничий инстинкт.

На ней сидел безупречный, строго приталенный брючный костюм, который выгодно подчёркивал идеальные формы, но не позволял лишнего. Она не робела под моим тяжёлым взглядом - наоборот, смотрела прямо, чуть приподняв уголок губ в едва заметной, дразнящей полуулыбке.

— Садитесь, Татьяна, — я откинулся на спинку кресла, продолжая буравить её глазами. — Ваше резюме впечатляет. Свободный английский, опыт работы в крупном банке. Почему ушли оттуда?

— Слишком монотонно, Игорь Владиславович, — её голос оказался на удивление глубоким, с мягким, бархатистым контральто. Она изящно закинула ногу на ногу. — Мне интересны масштабные проекты и руководители, у которых есть чему поучиться. А там был потолок. И скука.

— У меня скучно не будет, — я подался вперёд, опершись локтями о стол и намеренно вторгаясь в её личное пространство. — Рабочий день ненормированный. Капризов у меня много. Давление колоссальное. Справитесь? Или сбежите через неделю со слезами?

Татьяна даже не моргнула. Её голубые глаза сузились, превращаясь в две тонкие, опасные льдинки, и в этот момент она чертовски напоминала тигрицу, которая прекрасно видит капкан, но ей просто весело играть с охотником.

— Я не плачу на работе, Игорь Владиславович. Предпочитаю решать проблемы, а не оплакивать их. А насчёт давления... у меня отличная стрессоустойчивость. Проверим?

В её интонации проскользнул уловимый вызов, что у меня по венам пробежал давно забытый азарт. Это был наглый, красивый блеф - она явно понимала, какое впечатление производит её внешность на мужиков, и пользовалась этим как лезвием бритвы. Из чистого, циничного любопытства и желания обломать эту самоуверенную кошечку я принял решение.

— Хорошо. Вы приняты. Выходите с завтрашнего дня, испытательный срок - месяц. Оформление через отдел кадров.

— Спасибо. До завтра, — она поднялась, плавно поправила пиджак и направилась к выходу, и её походка была от бедра.

«Ну держись, девочка, — подумал я, провожая её взглядом. — Посмотрим, насколько тебя хватит».

Я был уверен, что правила игры устанавливаю я. Обычная схема: загрузить работой, прощупать границы, дать понять, кто здесь хозяин, а через пару недель перевести отношения в более приватную и понятную мне плоскость. Красивая обёртка, внутри которой, как обычно, окажется стандартная охотница за деньгами и статусом.

Как же сильно я ошибался.

Таня оказалась профессионалом высшей пробы, но с характером из чистой стали. Она вела мой график без единого сбоя, отшивала ненужных просителей одним холодным словом и при этом умудрялась постоянно держать меня в напряжении. Она дразнила меня каждым своим движением, каждым наклоном головы, когда подавала документы, тонким шлейфом парфюма с нотками бергамота и мускуса.

Через две недели я решил, что пора переходить к делу. Засидевшись в кабинете до девяти вечера, я нажал кнопку селектора.

— Татьяна, зайдите ко мне с отчётом по «Гранд-Сити».

Она вошла. В офисе уже никого не было, за панорамными окнами шумела вечерняя Москва. Таня подошла к столу, положила папку, а я поднялся, обошёл стол и встал у неё за спиной слишком близко, так, что чувствовал тепло её тела и слышал, как учащается дыхание.

— Вы отлично справляетесь, Таня, — тихо произнёс я, опуская руку на её талию. — Думаю, испытательный срок можно закрыть досрочно.

Я ожидал чего угодно: покорности, наигранного смущения, ответного движения. Но Таня лишь замерла на секунду, затем медленно, с абсолютным спокойствием повернулась ко мне лицом, вынуждая меня убрать руку. Она посмотрела на меня снизу вверх, и в её голубых глазах не было ни капли страха, а кошачье превосходство.

— Игорь Владиславович. Я очень ценю вашу оценку моей работы. Но мои профессиональные обязанности заканчиваются ровно на этой папке с отчётом.

Она сделала аккуратный шаг назад, разрывая дистанцию, и её губы снова тронула та самая дразнящая, сводящая с ума улыбка.

— Если вам нужен просто красивый аксессуар для вечернего досуга - в кадровом резерве холдинга много достойных кандидаток. А я здесь для того, чтобы ваш бизнес работал как часы. Хорошего вечера.

Она коротко кивнула, развернулась и вышла из кабинета, оставив меня стоять посреди пустой комнаты.

Кровь мгновенно хлынула в лицо. Меня как обухом по голове ударили. От ворот поворот - мне? Человеку, который привык получать всё по первому щелчку пальцев? Внутри вскипела дикая, уязвлённая злость, которая тут же переросла в бешеное, азартное пламя.

Она не просто отказала. Она бросила мне перчатку, заставила меня включиться в настоящую, полноценную охоту. Эта девчонка была чертовски умна - знала, что лёгкая добыча мне не интересна, и намеренно затягивала петлю на моей шее. Дразнила, подпускала на шаг и тут же била по рукам, заставляя думать о ней сутками напролёт.

Я вернулся к столу, налил себе виски и сделал большой глоток. Фантомная боль в груди впервые за три года уступила место острому, хищному предвкушению.

«Ну ладно, Танечка... — ухмыльнулся я, глядя на закрытую дверь приёмной. — Раз уж ты хочешь поиграть в кошки-мышки, давай поиграем. Посмотрим, кто из нас в итоге окажется на лопатках».

Прошло ещё два месяца. Два месяца изнурительного, выматывающего пинг-понга, в котором Таня виртуозно держала дистанцию.

Я с самого первого дня изучил её резюме и личное дело вдоль и поперёк, знал, что ни мужей, ни детей у неё нет - свободна как ветер в поле. Судя по всему, у неё был такой склад характера, да и на работе она пахала сутками, задерживаясь допоздна, что на личную жизнь времени банально не оставалось. Работа была её главным романом до тех пор, пока на её пути не встал я.

За это время мы несколько раз ездили в одной машине на строящиеся объекты и важные презентации. В просторном кожаном салоне моего представительского авто я нарочно, как бы невзначай, подсаживался к ней слишком близко - так, чтобы чувствовать плотное, тёплое бедро сквозь ткань её неизменного строгого костюма. Таня не отсаживалась, но и не заигрывала, продолжая ровным голосом зачитывать мне повестку дня или финансовые показатели.

Несколько раз я заходил дальше - бесцеремонно, но ласково проводил пальцами по её гладким ногам, медленно поднимаясь от колена вверх, к кружевной резинке чулка. Она замирала, терпела, шумно вдыхая носом воздух, до того самого момента, пока я не забирался слишком далеко. Тогда она мягко, но уверенно перехватывала мою руку, убирала её и тут же отпускала какую-нибудь колкую, ироничную шутку, мгновенно сбивая градус напряжения. Она вела свою игру, заставляя меня буквально исходить от азарта.

Всё изменилось в один из августовских дней. Мы принимали готовую работу нашего нового премиального жилого комплекса. Мы с Таней шли чуть позади основной делегации инженеров и подрядчиков, и когда толпа отделилась, завернув за угол длинного коридора на одном из верхних этажей, Таня вдруг резко затормозила.

Она молча схватила меня за руку и с неожиданной силой затащила в одну из ещё не проданных квартир. Я опешил. Дверь за нашими спинами захлопнулась, и Таня мгновенно щёлкнула задвижкой.

Она развернулась и прижала меня спиной к белой стене, которую совсем недавно выкрашили. Я почувствовал, что моему дорогому итальянскому костюму сейчас настанет полный звездеч, но меня это уже не заботило - в штанах мгновенно, до боли стало тесно. Я увидел горячий, потемневший взгляд Тани и торжествующую, хищную улыбку на её губах. Не дав мне опомниться, она начала целовать меня лихорадочно, быстро, в подбородок, в щёки, в мочку уха, обжигая шею своим дыханием.

— Только будь нежен... — её голос совсем сел, превратившись в интимный шёпот.

Таня резко повернулась ко мне попкой, облачиваясь ладонями на ту самую белую стену и сильно выгибаясь в пояснице. Скомканная на бёдрах строгая юбка-карандаш обнажила её кружевные, уже абсолютно мокрые трусики. Не глядя на меня, она закинула руку назад и протянула мне квадратный пакетик презерватива, который, оказывается, прятала в кармане пиджака. Охотница подготовилась.

— Какая хорошая девочка... — прорычал я ей прямо в ухо, срывая с неё бельё.

Я быстро натянул резинку, член ломился от воздержания и этой безумной игры. Прежде чем войти, я решил подразнить её, медленно потёрся головкой о горячие, влажные складки. Таня всхлипнула, сопя и вожаденно постанывая от каждого моего движения.

И тут в голове вспыхнул образ Саши. Чёртов образ, который я три года выжигал калёным железом, который отметал, который пытался выкинуть из мыслей каждую секунду своей жизни. Нахлынуло с такой силой, что у меня перехватило горло.

— Давай... — позвала меня Таня, нетерпеливо пошевелив бёдрами. — Ну же, Игорь...

Я вставил ей на всю длину, глубоко и жёстко. В этот же момент по коридору за дверью послышались шаги и голоса - делегация заметила мою пропажу и двинулась на поиски. Чтобы Таня не закричала, я мгновенно зажал ей рот ладонью. Защёлка на двери держала крепко, нас бы не нашли, но адреналин смешался с пьянящей похотью.

Я начал драть Таню как изголодавшийся, сорвавшийся с цепи зверь. Её светлые волосы разметались по моим плечам, и это окончательно добило мою крышу. Наваждение. Я увидел в этих светлых прядях Сашу, позволил себе обмануться, сойти с ума, представить, что это действительно она сейчас прогибается подо мной в этой пустой, пахнущей краской квартире.

Я прижал Таню к себе вплотную, стал иступлённо целовать её в мочку уха, в шею, закрыл глаза, чтобы не видеть чужого лица, чтобы удерживать внутри себя Сашин образ. Моя рука скользнула под блузку, я рванул ткань, с корнем выдрав пару пуговиц, залез под чашки неудобного, жёсткого каркасного лифчика и начал грубо, жадно наминать её скромную грудь второго размера, до боли поигрывая с сосками.

— На колени, — прорычал я, резко выдернув член и снимая презерватив.

— Ш-што? — Таня едва держалась на ногах, её веки дрожали, она никак не могла отдышаться.

— Я сказал - на колени! — мой голос прозвучал как удар бича.

Девушка послушалась. Ошарашенная моим тоном, она медленно опустилась передо мной на колени прямо на пыльный пол, и не успела даже пискнуть, как я перехватил её за затылок и бесцеремонно вставил член ей в рот, глубоко насаживая на себя. Таня давилась, ловила ртом воздух, пускала слюни по подбородку, но отчаянно пыталась удовлетворить меня, боясь испортить момент.

Я не знаю, успела ли она получить хоть какое-то удовольствие, но я кончил быстро и мощно. Таня со слезами на глазах послушно сглотнула всё моё семя до последней капли, а я посмотрел на неё сверху вниз, протянул руку и грубо, смахивая, стряхнул слезинки с её лица.

— Приведи себя в порядок, — сухо бросил я.

Развернулся, щёлкнул задвижкой и вышел в коридор, оставив её сидеть на полу с разорванной блузкой и размазанной помадой.

После этого дня всё сломалось. Я стал ею брезговать, чисто физически не мог переносить её близость. Не знаю, почему так вышло. Наверное, я просто плохой, конченный человек.

Таня несколько раз в течение следующих недель совершала отчаянные попытки вернуть всё назад - пыталась снова добраться до моего члена то в кабинете под столом, то задерживаясь допоздна. Но я пресекал каждую её попытку на корню, жёстко убирал её руки. Больше не хотелось. Не могло. Внутри просто не заводилось, мотор заклинило, и та Сашина тень, которую я вызвал в пустой квартире, окончательно добила всё живое во мне.

В конце концов это должно было закончиться взрывом. Однажды вечером Таня зашла ко мне, заперла дверь, не выдержала и разрыдалась прямо посреди кабинета. Настоящая тигрица сломалась, превратившись в обиженного котёнка.

— Почему? — сквозь слёзы спросила она, глядя на меня с обидой. — Почему ты так со мной, Игорь? Что я сделала не так? Ты же хотел меня!

Я посмотрел на её заплаканное лицо, на эти светлые волосы и ощутил лишь пустоту. Саши в ней больше не было. Наваждение ушло, оставив только раздражение.

— Тань, — я устало потёр переносицу. — Не мотай мне нервы. Просто увольняйся. Так будет лучше для всех.

Она застыла, уставившись на меня в полном шоке, хлопала своими огромными голубыми глазами, не веря, что её вышвыривают как отработанный материал. Через секунду закрыла лицо руками, пулей выбежала из кабинета и уехала домой.

На следующий день на моём столе лежало заявление об увольнении. Одним днём, без всяких отработок. На работу она больше не пришла.

Но я всё-таки не был законченным скотом до самого конца. Я вызвал бухгалтера и распорядился выплатить ей шестерной оклад в качестве выходного пособия - круглая сумма на два года безбедной жизни. Пусть съездит на море, подлечит нервы. В конце концов, я её честно предупреждал на собеседовании, что у меня ей легко и скучно не будет. Она сама решила поиграть с хищником, и в процессе сама стала жертвой.

Глава 5: Мёртвые следы

Фантом Саши разбередил мою рану куда серьезнее, чем я мог себе представить. Вся эта история с Таней не просто не принесла облегчения, а содрала с едва затянувшегося рубца верхний слой кожи, оголив мясо. Три года ментальной анестезии, дорогого алкоголя, секса с другими девушками пошли прахом из-за одной короткой вспышки наваждения. Я ведь искренне верил, что вылечился, гордился своей холодностью, тем, как ловко научился упаковывать любые эмоции в аккуратные и безликие кейсы. Оказалось, я просто заколотил подвал, в котором продолжало гнить что-то очень важное, и стоило Тане повернуться ко мне спиной и расчесать свои светлые волосы, как дверь этого подвала сорвало с петель... и оно вырвалось.

Я полностью потерял покой. Тот ледяной, жёсткий контроль над собственной головой, которым я так кичился, дал глубокую, ветвящуюся трещину. В какой-то момент я даже поймал себя на том, что снова ищу её в толпе... неосознанно, на уровне каких-то рефлексов, что ли. Иду по бизнес-центру между деловыми встречами, перевожу взгляд с одного лица на другое, и вдруг выхватываю краем глаза знакомый изгиб плеч, светлую прядь, мягкую походку. Сердце внутри делает кувырок, в кровь выстреливает чистый адреналин, я ускоряю шаг, расталкивая людей, обгоняю хрупкую фигуру, заглядываю в лицо... и натыкаюсь на чужие и недоумевающие глаза. Очередная незнакомка. Очередной пустой выстрел в молоко, и внутри каждый раз остаётся лишь горький, ядовитый осадок разочарования и злости на самого себя. «Ты debil, Лазарев, — говорил я себе. — Ей здесь нечего делать». Но на следующем перекрёстке всё повторялось сначала.

На работе так вообще начался полнейший кошмар, который я едва мог скрывать от Совета директоров. Мои сотрудники, привыкшие к моей жёсткой, но всегда логичной и предсказуемой требовательности, теперь шугались меня как чумного. Я мог часами сидеть на совещании, уставившись в одну точку на интерактивной доске, пока главный инженер холдинга распинался передо мной и партнёрами, и я не слышал цифр, не видел графиков. Я подолгу, бесцельно засматривался на проходящих по коридорам офиса девчонок - референтов, юристок, бухгалтеров, искал в них её черты. И когда не находил (а я, естественно, не находил), меня накрывала беспричинная ярость. Я срывался на руководителей направлений по малейшему поводу, заставил финдиректора переделывать безупречный годовой отчёт три раза просто потому, что мне не понравился шрифт в сносках, уволил начальника дизайнерского отдела за двухминутное опоздание на планёрку. Они думали, что у босса проблемы с налоговой, проверки силовиков или жёсткий кризис, а босс просто медленно, по капле сходил с ума, запертый в клетке собственного прошлого, из которой не было выхода.

Каждый божий вечер превратился в изнурительную войну с собственным подсознанием. Часов в девять, когда Москва задыхалась в багровых, бесконечных предзакатных пробках, а Садовое кольцо замирало в глухом ступоре, я спускался на подземную парковку и садился в машину. Мой водитель, молчаливый и исполнительный кавказец Мурат, деликатно ждал указаний, глядя в зеркало заднего вида, а у меня рука сама тянулась к рулю, и в голове пульсировала одна-единственная, зудящая, сумасшедшая мысль: «Поехали туда. Просто в тот двор. Встань под тополями. Посмотри на её окна. Ну что тебе стоит? Никто же не узнает. Ты просто постоишь полчаса и уедешь». Хотелось выть от этого бессилия, от того, насколько огромные деньги и безграничная власть в строительном секторе города оказались бесполезны перед одной конкретной пятиэтажкой. Хотелось вернуться в тот заплёванный, серый двор и просто увидеть, как на третьем этаже загорается тусклый, жёлтый свет на малюсенькой кухне, увидеть её силуэт сквозь тюлевые занавески, убедиться, что она существует, что она жива.

Иногда мой мозг, изнемогая от этой ментальной голодовки и отсутствия информации, подкидывал мне по-настоящему гениальные, как ему казалось, планы - настоящие многоходовые

вочки. Например, завалиться без предупреждения к Анне Степановне в гости. Приехать не с пустыми руками, а снарядить целую «экспедицию»: привезти огромный букет, коробку каких-нибудь швейцарских конфет, которые не купишь в обычном супермаркете, достать через связи в Минздраве дефицитные импортные лекарства для её сердца. Зайти, улыбнуться и сказать прямо с порога: «Здравствуйте, Анна Степановна! Давно не виделись, вот, проезжал мимо по делам нашего нового ЖК в этом районе, решил заскочить, узнать, как ваше здоровье, как себя чувствуете. Вы ведь мне не чужая» и бла-бла-бла.

И я ведь всё время представлял, как дверь мне открывает Саша. И я такой, будто бы удивлённо: «Ой... Привет, Саш... А я вот к Анне Степановне». Я почему-то до сих пор думал, внутри себя надеялся, что она бы, конечно, попыталась меня прогнать, включила бы свою гордость, но Анна Степановна бы точно меня приняла - я-то знаю, что эта добрая старушка любит меня. Сашка бы подулась, злилась, демонстративно ушла в свою комнату, но Анна Степановна всё равно нашла бы предлог и оставила бы нас вдвоём. А я бы сграбастал Сашу в объятия, она бы брыкалась, конечно (знаю я её характер), колотила бы меня кулаками по груди, отталкивала, но потом сдалась бы под моим натиском, обмякла в руках, прильнула бы к моей груди и горько-горько разрыдалась, признаваясь, как сильно скучает по мне все эти проклятые три года. Я бы зарылся носом в её волосы, в этот родной запах, и признался ей... что тоже безумно скучал, и больше никогда, никогда её не отпущу. Она улыбается сквозь слёзы, и мы снова вместе. Всё как раньше. Затяжной кошмар окончен.

Мозг раз за разом крутил этот сопливый сценарий, как заезженную киноплёнку, спасая меня от удушья. А на самый худой вариант - например, если бы Сашки не было в этот момент дома, у меня был заготовлен «план Б»: пришлось бы просто посидеть на её кухне, попить чаю с чабрецом из старых кружек, поболтать с бабулей и, конечно же, невзначай, как бы между прочим, среди разговора о погоде и ценах на лекарства, спросить: «А Сашка как? Как у неё дела? Где она сейчас? Передавайте ей привет, если что...» И максимально долго задерживаться, пока она не придёт.

Но в следующую же секунду остатки мужской гордости и воспитания давали мне мощную, отрезвляющую затрецину. Я во всех красках понимал, как жалко, ничтожно и убого я буду выглядеть со стороны. Взрослый, успешный мужик, ворочающий миллиардными бюджетами, преемник огромной строительной империи, чьё имя полощут в деловых СМИ, будет стоять на пороге обшарпанной квартиры перед пожилой женщиной и заглядывать ей в глаза в надежде выпросить, вымолить крохи информации о девчонке, которая три года назад стёрла его из жизни. Это было ниже моего достоинства. Это было расписаться в собственном полном, окончательном и сокрушительном поражении, показать, что меня сломали, что я так и не смог перешагнуть через ту историю. И я оставался на месте, давал команду водителю ехать в один из моих пентхаусов на Мосфильмовской, где глушил суку-тоску литрами односолодового виски.

Но думаете, это всё? Напился и забылся? Да как бы не так. Посмотреть на мою бывшую любовь физически я не мог, поэтому я ушёл в виртуал, и это была стадия маниакального, глубокого помешательства, о котором никто и никогда в моём окружении не должен был узнать. Если бы отец или Аркадий узнали, они бы отправили меня к психиатрам в Швейцарию. Виртуальный stalking стал моей ежедневной ночной рутиной, моей личной дозой тяжёлого наркотика.

Каждую ночь, когда прислуга расходилась по своим флигелям, я открывал ноутбук, и напряжение в эти моменты было таким, словно я взламывал сервера Пентагона или подписывал секретное соглашение о слиянии активов, а не занимался позорной, унижительной хернёй. У Саши никогда не было нормальных, активных аккаунтов в социальных сетях - она органически не переносила всю эту современную ярмарку тщеславия, никогда не выставляла свою жизнь напоказ, не пилила селфи из зеркал туалетов в ресторанах и не хвасталась букетами. Три года назад её профили были скудно информативными, практически пустыми страницами

с парой фотографий пейзажей и каких-то книг, а теперь они и вовсе исчезли из сети - удалены насовсем, со всеми потрохами. Я пробовал заряжать своих ребят из службы безопасности холдинга (аккуратно, через третьи руки, якобы проверяю одного контрагента), чтобы они пробили её цифровой след по базам, но Сашка словно растворилась в воздухе. Ни новых номеров телефонов, привязанных к соцсетям, ни зарегистрированных на неё скрытых аккаунтов - она оставила после себя стерильное цифровое поле. Мёртвый след. Я постоянно гуглил её имя в попытке найти в каких-то событиях города, но не находил ничего.

Моей единственной, тонкой ниточкой к её миру оставалась Леся. Подружка. Девчонка моего старинного друга Богграда. Уж кто-кто, а Леська всегда обладала типичным синдромом инфлюенсера средней руки: она обожала постить каждый свой чих, её профили ломались от контента - вот они с Богградом в новом ресторане, вот она хвастается сумкой, которую он ей подарил, вот бесконечные, глупые сторис с каких-то закрытых тусовок, выставок и презентаций.

Чтобы не палиться со своего официального аккаунта, где у меня в подписчиках сидела половина бизнес-элиты Москвы, я завёл фейковый, абсолютно пустой профиль: никаких фотографий, левое имя, подписка на сотню каких-то случайных пабликов по архитектуре, урбанистике и дизайну интерьеров для маскировки - чтобы на общих интересах мне подкинули Сашку в рекомендуемые друзья, вдруг она шифруется под анонимом, как и я? И вот с этого серого, безликого аккаунта я часами, до рези в глазах, листал Лесину ленту. Это было похоже на работу судмедэксперта или следователя по особо важным делам: я прокручивал её публикации назад, вглубь, на месяц, на полгода, на год, на два, на три, пальцы до боли в суставах скроллили экран смартфона или мышку ноутбука. Я всматривался в каждую групповую фотографию с каких-то девичников, чужих дней рождения, загородных поездок на выходные, зуммил задние планы на случайных снимках из кафе, высматривая размытые силуэты за соседними столиками, досконально изучал отражения в стёклах витрин, в зеркалах клубов и на глянцевых поверхностях автомобилей. Я читал списки лайков под каждым её постом, вручную перебирал сотни аккаунтов, проверял комментарии, надеясь увидеть знакомые инициалы или хотя бы закрытый, анонимный профиль, который по косвенным признакам мог принадлежать Саше.

Но ничего я не находил.

Леся уже три года не постила вообще ничего, что было бы хоть как-то, даже отдалённо связано с Сашей: ни одной совместной фотографии с их старых посиделок, ни одного упоминания вскользь в текстовых постах, никаких ностальгических воспоминаний, которые обычно любят выкладывать девчонки в стиле «как это было четыре года назад». Саши не было в цифровом пространстве Леси, словно её никогда не существовало на этом свете, словно вся та жизнь, где мы были счастливы, где мы дышали одним воздухом, смеялись, ссорились и безумно любили друг друга, была лишь моим затянувшимся, лихорадочным, галлюциногенным сном.

В одну из таких ночей, где-то в начале ноября, в три часа утра, когда виски в моём стакане уже не обжигал горло, а казался безвкусной, тёплой жижей, меня накрыла бешеная вспышка старой, застоявшейся обиды - накрыла так резко, что в глазах потемнело. Я с размаху захлопнул крышку ноутбука так, что пластик корпуса хрустнул, а экран моргнул и погас.

— Скрытная сука, — прорычал я в темноту холодного кабинета, сжимая кулаки и чувствуя, как ногти впиваются в ладони. — Какая же ты скрытная, холодная сука...

Злость клокотала, требуя немедленного физического выхода. Хотелось разбить этот грёбаный дизайнерский стол из цельного массива дуба, швырнуть стакан в стену, разнести к чертям безупречный порядок. Она стёрла меня. Просто взяла, повернула выключатель и вычеркнула из своей жизни, будто меня никогда не было на этой земле, будто не я ради неё ломал себя через колено, не я шёл против воли отца, не я ползал на коленях в её обшарпанном, воняющем кошками подъезде, не я был раненым зверем на полу перед её ванной, когда она отказалась даже выслушать меня, отказалась открыть дверь и дать мне один чёртов шанс оправдаться. Она

устроила мне показательную, жёсткую казнь: заблокировала по всем фронтам, ушла в непробиваемую оборону и испарилась, не оставив после себя даже крошечной зацепки, даже намёка на то, что ей было хоть немного жаль. Ей было легко? Ей было плевать? Она просто живёт себе дальше в своём тихом мирке, ходит на свою какую-нибудь грошовую работу, пьёт кофе по утрам из плесневелого автомата, улыбается прохожим и, может быть, уже спит с кем-то в этой своей хрущёвке, пускает какого-нибудь очередного правильного, простого парня в свою постель, пока я здесь задыхаюсь от тоски по ней?

Эта мысль жгла меня изнутри, как раскалённый кусок угля, который засунули прямо под рёбра. Избирательная память - это страшная, извращённая вещь: она в этот момент начисто стирала тот факт, что всего два месяца назад я сам, своими собственными руками, как последнее животное, топтал и ломал чужую девчонку в новостройке, цинично пытаюсь вызвать в голове образ Саши. Мой уязвлённый, больной мозг кричал только об одном: меня предали, меня забыли, меня стёрли как ластиком с листа бумаги. И эта обида требовала ответов. Мне нужен был живой, осязаемый человек из того времени, которого можно было взять за шкирку, прижать к стене и вытрясти из него хоть каплю, хоть грамм правды. И этот человек был совсем рядом, в моём ближайшем окружении.

Зима ворвалась в Москву и Подмоскowie без раскачки, словно решив завалить этот проклятый город до самых крыш. К началу декабря загородные трассы превратились в снежные желоба, пушистый снег гнул к земле ветки деревьев, а по ночам ударил крепкий, кусачий мороз под минус тридцать. Я чувствовал себя настолько выжатым, эмоционально кастрированным этой внутренней войной, что решил устроить закрытую, кулуарную тусовку для своих - мне нужно было сменить обстановку, выйти из режима робота, иначе я просто крышечкой уеду.

Я снял на выходные огромное, роскошное шале в Подмоскowie, глубоко в лесу, подальше от трасс и посторонних глаз. Это было место с претензией на дикую роскошь: высокие семи-метровые потолки, огромные брёвна из полярной сосны, панорамное остекление во всю стену, сквозь которое открывался вид на заснеженный, глухой бор, и основательный, сложенный из дикого колотого камня камин, в котором с рокотом и треском прогорали берёзовые дрова, наполняя весь дом запахом дыма и смолы.

Я пригласил человек десять - только самый близкий, проверенный годами круг, те парни, с которыми мы начинали чудить ещё в академии, те, перед кем мне не нужно было держать спину ровно и изображать из себя «железного Лазарева», жёсткого вице-президента девелоперского холдинга. Приехал Боград и, естественно, вместе с ним приехала Леся. Они до сих пор были вместе, и их отношения, в отличие от моих разрушенных иллюзий, оказались на удивление прочными и стабильными.

Весь вечер в шале гремела музыка, парни пили виски, девчонки смеялись, на огромной открытой кухне повар из приглашённого ресторана жарил мясо на углях. Я пил много, но алкоголь на этот раз действовал как-то странно: он не пьянил меня, не размывал картинку, а наоборот, собирал всё моё существо в одну струнку. Я сидел в глубоком кресле в стороне от общего веселья, курил и наблюдал за Лесей издалека. Она вела себя как обычно: громко смеялась над шутками парней, что-то весело и увлечённо рассказывала, потягивая белое вино из высокого бокала, уютно куталась в огромный белый вязаный свитер. Но я, чёрт возьми, видел её насквозь - замечал, как она старательно, панически избегает встречаться со мной взглядом. Каждый раз, когда траектория моих глаз пересекалась с её направлением, Леся тут же переводила взгляд, тупила в телефон или демонстративно отворачивалась к Бограду, прячась за его широкую спину. Она всё понимала. Она знала, что я помню каждую секунду, и прекрасно знала, о ком именно я думаю, глядя на неё.

Ближе к полуночи народ начал потихоньку рассредоточиваться по огромному пространству шале. Часть парней вместе с девчонками ушли в отдельно стоящий банный комплекс, кто-то поднялся на второй этаж, где глухо застучали шары в бильярдной. Боград, накинув куртку,

отлучился на улицу - метель там разыгралась нешуточная, видимость упала до нуля, и нужно было перегнать его тяжёлый внедорожник на чищеную под навесом парковку, чтобы утром не откапывать его часами.

Я понял: это мой единственный, идеальный момент.

Леся осталась одна в огромной гостиной у камина. Она сидела на невысоком кожаном пуфе, поджав под себя ноги, и задумчиво смотрела на пляшущие, затухающие языки пламени, а в руке крутила бокал с остатками вина, и отблески огня мягко, неровно ложились на её лицо, делая его непривычно серьёзным и грустным.

Я подошёл абсолютно бесшумно по толстому, мягкому ковру из овчины, встал рядом, опёршись рукой о каменную полку камина, нависая над ней всей своей фигурой. Леся заметно вздрогнула, когда моя тень перекрыла свет от огня, испуганно вскинула голову и дёрнулась было подняться, чтобы уйти под любым предлогом, но я действовал быстрее - мягко, но веско положил ладонь ей на плечо, фиксируя на месте и не позволяя встать.

— Сиди, Лесь. Не бегай от меня. Нам давно пора поговорить, и ты это прекрасно знаешь, — мой голос прозвучал глухо, сухо, без каких-либо светских интонаций.

Она как-то обречённо вздохнула, и её плечи под моим давлением заметно поникли. Она так и не повернула головы в мою сторону, продолжая упорно смотреть на тлеющие угли.

— Игорь, пожалуйста... Не надо. Я тебя умоляю, — попросила она. — Давай не будем портить этот вечер. Все же так хорошо отдыхают. Мы приехали расслабиться.

— Я не собираюсь ничего портить, — я убрал руку с её плеча, перешагнул через край ковра и сел в глубокое кресло прямо напротив неё, лицом к лицу, вынуждая её смотреть мне прямо в глаза. Дистанция между нами сократилась до метра. — Я задам тебе только один вопрос. Один-единственный, Лесь. И ты на него ответишь. Честно. Без своих глупых отмазок.

Она промолчала, лишь крепче сжала тонкую стеклянную ножку бокала.

— Как Саша? — спросил я в лоб, без предисловий, без дурацких вежливых расспросов о её жизни. Эти два слова три года стояли у меня поперёк горла, давили изнутри, и сейчас я буквально вытолкнул их наружу, обнажая всю свою застарелую, голодную потребность.

Леся наконец подняла на меня свои синие глаза, и, к моему удивлению, в её взгляде не было ни злости, ни испуга, ни предвзятости — только бесконечная усталость и какая-то горькая жалость ко мне. Она сокрушённо покачала головой, переводя дух.

— Игорь, ну ты же сам всё прекрасно знаешь, — её голос сорвался на хриплый шёпот. — Зачем ты это делаешь? Зачем бередишь? Мы с ней перестали общаться ещё тогда. Тем злополучным летом. Три года назад. Всё закончилось в тот же день...

— Перестали общаться? — я цинично, зло ухмыльнулся, подавшись всем корпусом вперёд и оперевшись локтями о колени. Алкогольная злость, которую я копил месяцами, снова зашевелилась внутри, требуя крови. — Вы были лучшими подругами с первого курса. Водой не разлить. Делили секреты, плакались друг другу в жилетку, строили планы. И ты хочешь, чтобы я поверил, что из-за одной чужой жёсткой ссоры вы полностью, навсегда обрубili концы? Не верю, Лесь. Не держи меня за полного идиота. Ты наверняка знаешь, где она. Знаешь, с кем она общается, где работает, что с ней вообще происходит. У девчонок не бывает так, чтобы связь исчезла бесследно.

— Да не держу я тебя за идиота! — вдруг резко, с накопленной обидой выдохнула Леся, её голос сорвался, и в глазах мгновенно блеснули крупные, злые слёзы. Она почти перешла на крик, но вовремя спохватилась, испуганно оглянулась на дверь в холл и приглушила тон, перейдя на яростный, прерывистый шёпот. — Ты думаешь, мне было легко? Ты думаешь, я этого хотела? Саша не простила меня, Игорь! Понимаешь ты своим упрямым, эгоистичным мозгом это или нет? Она не простила ни тебя, ни меня. Вообще никого из того нашего круга!

— Тебя-то за что? Ты тут при чём? — я нахмурился, чувствуя, как внутри начинает холодеть от её слов. Леся была с ней в те страшные минуты... Она, блин, мне мой чемодан и выкатила!

— Да за то, что я пыталась тебя защитить, дурак! — Леся вытерла слезу, её трясло от подступивших воспоминаний. — За то, что я тогда звонила ей и писала, чтобы выслушала тебя... Знаешь, что Саша мне на это сказала? Она посчитала моё поведение самым настоящим предательством. Она решила, что я встала на твою сторону. На сторону богатого, зажавшегося мажора Лазарева, у которого всегда всё схвачено, который может купить любое оправдание и любую ложь. Она кричала мне в трубку, захлёбываясь слёзами, что я продалась Богдаду... И я... Я послала её, а она меня... Мы перестали общаться уже очень давно... Наша тройка распалась в тот злополучный вечер... Если с ней я доучилась до конца и видела её на парах и госах хотя бы... То Ксюху... Ксюха отчислилась...

— Меня эта дрянь не интересует!

Леся сделала судорожный глоток вина, переводя дыхание, её лицо шло красными пятнами от волнения. Я сидел неподвижно, словно громом поражённый, и каждое её слово падало мне на голову как булыжник. Я сидел, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, чувствуя, как внутри всё окончательно немеет и покрывается ледяной коркой. Значит, она обрубила концы со всеми без разбора. Уничтожила всё своё прошлое, разорвала дружбу, которая длилась годами, просто для того, чтобы избавиться от малейшей, призрачной возможности снова услышать моё имя. Какая же дикая, страшная, разрушительная концентрация гордости, упрямства и смертельной обиды должна была быть в этой маленькой, хрупкой девчонке, которую я когда-то носил на руках...

— Неужели ты вообще ничего не знаешь? — я не сомневался в словах Леси, но какая-то последняя, жалкая соломинка внутри меня отказывалась ломаться. Мой голос изменился, потерял всю свою спесь, прозвучал тихо, унизительно умоляюще. — Вообще ничего, Лесь? Ну хоть какие-то слухи? Мир же тесен. Где она работает? Она осталась в Москве или уехала? Она... она замуж не вышла, ты не слышала? У неё появился кто-то? Ну хоть что-то, через третьих знакомых, через институтских девчонок до тебя доходило? Не молчи, пожалуйста.

Леся молча, пристально смотрела на меня. Ещё одна слеза всё-таки скатилась по её щеке, ярко блеснув в багровых отсветах каминного огня.

— Ничего, Игорь. Клянусь тебе... я абсолютно ничего не знаю.

Она замолчала, вытирая лицо ладонью и тяжело вздыхая. В этот момент в глубоком, длинном коридоре послышался уверенный топот массивных ботинок - это возвращался с улицы Боград. Он громко, с шумом отряхивал свежий снег со своей куртки, что-то весело покрикивая остальным парням.

Леся поднялась со своего кресла, аккуратно поставила пустой бокал на журнальный столик и посмотрела на меня сверху вниз.

— Отпусти её, Игорь. Пожалуйста, ради самого себя, отпусти. Ты же сам всё видишь, она сделала свой выбор. Окончательный выбор. Тебе всего двадцать шесть лет. У тебя впереди вся жизнь, огромная бизнес-империя, колоссальные деньги, любые женщины, какие только пожелаешь... Зачем ты продолжаешь мучить себя, терзать сердце и искать призрак того человека, который пожелал исчезнуть для нас? Живи дальше.

Она повернулась и уставшим шагом пошла по ковру навстречу вошедшему в гостиную Богдаду. Тот сразу же, широко улыбаясь, обнял её своими огромными руками за плечи, прижал к себе и стал что-то весело, увлечённо рассказывать про заносы на дороге и метель. Леся слабо улыбнулась ему в ответ, пряча заплаканные глаза.

А я так и остался сидеть один перед затухающим, покрывающимся серым пеплом каминном. Метель за огромным панорамным окном выла всё громче и неистовее, с силой швыряя пригоршни белого, колючего снега в толстые стёкла. Кожа кресла казалась мне ледяной, про-

мёрзшей насквозь. Леся была беспощадно права в каждом своём слове. Саши больше не было в нашем общем мире. Она ушла навсегда, плотно закрыв за собой дверь и забрав с собой ту мою единственную часть, которая когда-то умела дышать, радоваться жизни и чувствовать без этой изнуряющей, вечной боли.

Глава 6: Смена вектора направления

Утром метель наконец утихла, оставив после себя внушительные сугробы, подпирающие панорамные окна гостиной, и пронзительно-синее, холодное небо. Ближе к обеду, когда мужская часть нашей компании потягивала минералку и крепкий кофе у кухонного острова, уединение нарушил весёлый гул голосов. Парни оживились - по предварительной договорённости, на второй день уикенда в шале подтянулся «десант» в лице подруг и знакомых наших друзей, и шумная стайка щебечущих девушек мгновенно заполнила просторный холл, нарушая мою автономию.

Среди приехавших сразу выделялась Кристина.

Ей было около тридцати - хороший возраст, когда женщина ещё молода, опытна и уже точно знает, чего хочет от жизни, и умеет подавать себя. Яркая, я бы даже сказал пёстрая, крашенная блондинка с платиновым оттенком волос. Я такой не особо люблю: он как-то внешне старит любую девушку из-за схожести с сединой, наверное, а мне по нраву больше пшеничные и сливочные оттенки. Природа, очевидно, поработала над Кристиной неплохо, но современная эстетическая медицина приложила к ней куда более весомые усилия: пухлые, капризно очерченные гиалуроновые губы, точёные скулы и безупречно гладкий, гляцевый лоб.

Кристина была абсолютно свободна, о чём заявила едва ли не с порога своей раскованной манерой общения, и её радары мгновенно запеленговали меня. Я привык к такому женскому вниманию: статус и фамилия действовали на определённый тип девушек как сирена на моряков. Она не стала жеманничать или строить из себя недотрогу, а первой подошла к креслу, где я сидел с чашкой эспresso, и с лёгкой улыбкой присела на широкий подлокотник.

— Игорь, верно? — её голос был мягким, с чуть прокуреной, бархатистой хрипотцой. — Парни говорили, что это ты устроил вечеринку?

— Вроде того, — ответил я, скользнув взглядом по её фигуре.

— Я Кристина, можно просто Крис. — Она протянула мне изящную ручку с аккуратным, но кричащим маникюром. Я пожал её - целовать не стал, потому что никогда не понимал этого жеста: вечно было ощущение, будто я холоп какой-то, чтоб руки целовать. Да ну. Не знаю, откуда во мне это, но просто стойкая ассоциация.

— Будем знакомы, Крис.

Мы высыпали на улицу всей толпой - так сказать, трезветь, дышать воздухом и играть в снежки, как в глубоком, беззаботном детстве. Кристина крутилась рядом, двигалась довольно проворно и пластично, наверняка занимается танцами. Что там у девчонок сейчас в моде? Твёрк? А нет, погодите... Стрип? Она бросала в команду «противников» пушистые снежные комья и звонко, заливисто смеялась, то и дело невзначай задевая меня или прося отряхнуть снег с её плеч и спины. Чуть позже мы переместились на крытую, отопленную террасу, в огромную чашу джакузи с бурлящей горячей водой, над которой поднимались густые клубы пара.

Там, сбросив тяжёлую зимнюю одежду, Кристина предстала во всей красе своего тюнигованного тела, и именно там я поймал себя на очень странных, противоречивых ощущениях.

Меня всегда, сколько я себя помнил, привлекала естественная, не испорченная хирургическим вмешательством красота. Я не переносил современную конвейерную моду на одинаковые лица - все эти «ресницы-бабочки», из-за которых девчонки не могут нормально моргать, эти неопрятные «брови-гусеницы», словно под копирку по трафарету... Бррр! Всё это вызывало у меня лишь раздражение и эстетическое отторжение. В женщинах я ценил индивидуальность, мелкие несовершенства, которые делают лицо настоящим. С девушками, у которых в груди стоял силикон, я, разумеется, общался, и в сексе у меня с ними всё было неоднократно - в нашем кругу найти полностью натуральную спутницу на вечер становилось задачей из разряда фантастики. Но у Крис всё было сделано на удивление тонко: её грудь под плотной

тканью купальника выглядела анатомично, мягко, без этих жутких, натянутых как мячи полусфер, которые сразу выдают дешёвку. Она колыхалась естественно, и это притягивало взгляд, заставляя мужские инстинкты срабатывать помимо воли.

Мы сидели в горячей воде, Кристина придвинулась ближе, её мокрое бедро периодически касалось моего под водой. Мы пили шампанское, она шутила, кокетничала, закидывала голову, демонстрируя идеальную линию шеи. Но внутри меня, за этим внешним фасадом влечения, росла какая-то необъяснимая пустота. До секса в шале дело так и не дошло - я сознательно притормозил процесс, не желая устраивать пьяный траходром на глазах у друзей, да и разговор с Лесей всё ещё сидел в голове. Однако, уезжая в воскресенье вечером в Москву, я всё же взял у Кристины номер телефона: базовые мужские потребности никто не отменял, а Крис казалась неплохим вариантом для того, чтобы отвлечься.

Наше первое официальное свидание состоялось через неделю в городе. Я пригласил её в премиальный итальянский ресторан, и Кристина пришла при полном параде: обтягивающее платье, безупречный макияж, идеальная укладка. Весь вечер я внимательно наблюдал за ней, и моё первоначальное ощущение странности только крепло. Крис оказалась на редкость притворным, пластмассовым человеком - в ней не было ни капли спонтанности. Каждое её движение, каждый наклон головы, каждый жест рук были будто бы отрепетированы перед зеркалом миллион раз. Она говорила правильным, слегка манерным голосом, рассуждала о выставках современного искусства, на которых явно бывала только ради селфи, оценивающе сканировала проходящих мимо женщин и то и дело поправляла и так идеальную прядь волос, ловя своё отражение в любой глянцевой поверхности.

Она вела себя абсолютно неестественно, пытаясь казаться загадочной, хотя за этим фасадом угадывалась вполне понятная, прагматичная хватка. Но я, в конце концов, был взрослым мужиком и прагматиком, давно привыкшим к свободным, ни к чему не обязывающим отношениям на одну ночь. Мне не нужно было жениться на Кристине, мне не нужно было вести с ней беседы по душам или как-то ещё морально сближаться - мне нужно было простое, качественное физиологическое переключение, чтобы заглушить ноющий зуд в паху и в голове. Впрочем, на первом свидании я не стал форсировать события: отвёз её домой, поцеловал в щёку у подъезда её элитного ЖК, оставив лёгкий шлейф недосказанности. Мужчина не должен выглядеть голодным студентом, хотя порой мне срывало крышу, и я был таковым.

Ещё через неделю мы встретились снова. На этот раз обстановка была более расслабленной, и мы поехали в закрытый бар, где было мало людей, зато бармен искусно смешивал крепкие авторские коктейли. Мы пили много, алкоголь постепенно снимал с Кристины её светскую, напыщенную спесь, обнажая простую, захмелевшую и вполне согласную на продолжение вечера женщину. Она смеялась громче, её рука всё чаще ложилась на моё колено, а в глазах появился вполне недвусмысленный, горячий блеск.

Когда бар начал закрываться, вопрос «куда ехать» даже не стоял. Мой пентхаус был слишком личным пространством, куда я неохотно пускал посторонних - просто не хотел сожительствовать и ночевать ни с кем, поэтому, когда Кристина томно прошептала: «Поехали ко мне, у меня отличное охлаждённое просекко», я просто кивнул Мурату, ждавшему у входа.

Квартира Кристины встретила нас навязчивым запахом диффузора с нотками пачули и амбры. Едва переступив порог, я понял, что деньги у девушки водились, и водились в хорошем объёме - либо от прошлых успешных союзов, от щедрых покровителей, либо от собственного бизнеса, о котором она вскользь упоминала. Но вот с чувством стиля там была настоящая, катастрофическая беда.

Интерьер оказался вызывающе, кричаще неудобным: всё пространство было оформлено в агрессивных, будничных красных и бордовых оттенках. Бархатные тяжёлые шторы цвета вишни, огромный диван из алой лаковой кожи, какие-то двусмысленные современные картины с полубогажёнными силуэтами на стенах, обилие позолоты, хрусталя и глянцевого чёрного

мрамора. Это было составлено настолько безвкусно, помпезно и вычурно, что напоминало скорее бордель или декорации к порнухе, чем жилую квартиру. Однозначно неуютно - тут вообще не за что было зацепиться взгляду, чтобы почувствовать домашнее тепло, сплошной агрессивный пластик, искусственный блеск и кричащая роскошь напоказ.

— Ну как тебе? — Кристина скинула туфли на шпильке и повернулась ко мне, раскинув руки, демонстрируя свой персональный замок. — Дизайнер делал проект три месяца, возили мебель из Италии.

— Колоритно, — сухо буркнул я, ослабляя галстук и проходя в глубь этой багровой пещеры.

Она ушла на кухню и вернулась через пару минут с открытой бутылкой хорошего, знакомого мне шампанского и двумя хрустальными фужерами. Мы устроились на этом жутком алом кожаном диване, Кристина пила быстро, то и дело прижималась всем телом, её безупречная, упругая грудь упиралась мне в рёбра, а пальцы блуждали по моей груди, расстёгивая пуговицы рубашки.

Алкоголь ударил в голову, базовые инстинкты, истощённые неделями воздержания и душевных мук, наконец-то взяли своё. Я перехватил её запястья, повалил на спину прямо на подушки и впился в её пухлые, пахнущие сладким алкоголем губы. Кристина ответила бурно, даже слишком бурно.

Мы переместились в спальню, где был точно такой же багровый полумрак, а над огромной кроватью высилось зеркальное изголовье. Одежда полетела на пол - в темноте её тело действительно выглядело впечатляюще, весьма подтянутое, гладкое, а грудь на ощупь оказалась на удивление мягкой, почти как настоящая.

Но как только начался сам процесс, всё окончательно пошло наперекосяк.

В какой-то момент, поддавшись привычному, жёсткому мужскому импульсу, я захотел перевернуть её, чтобы взять сзади - это была моя любимая, доминирующая позиция, в которой я привык полностью контролировать ритм и процесс. Но Кристина неожиданно упёрлась руками в матрас, заартачилась и резко, капризно выкрутилась из-под меня.

— Нет, Игорь, я так не хочу, — недовольно протянула она, растрепав свои платиновые волосы. — Давай нормально. В миссионерской. Я хочу видеть твоё лицо.

Я мысленно чертыхнулся, но спорить не стал - алкоголь и возбуждение требовали разрядки, и мне было в принципе плевать на позу, лишь бы закончить этот затянувшийся марафон. Я лёг сверху, входя в неё, и вот тут начался настоящий, первосортный кошмар.

Кристина начала извиваться, но делала она это настолько наигранно и фальшиво, что меня мгновенно обдало волной ледяного отвращения. Ну что за бездарная актёрская игра из низкосортного порно: она неестественно выгибала спину, заламывала руки, ловя своё отражение в зеркальном потолке, и охала-ахала. Её стоны звучали невпопад и как-то слишком громко, чтобы я, не дай бог, не подумал, что она не испытывает космического наслаждения.

Но хуже всего было другое - Кристина была абсолютно сухой. Её тело вообще не реагировало на меня на физиологическом уровне, несмотря на весь этот внешний антураж и натужные вздохи. Это было механическое трение об искусственную, сухую пустыню.

Вся та магия, весь тот алкогольный туман, который я бережно нагонял весь долбаный вечер, рассеялся в одну секунду. Перед глазами почему-то с жестокой, издевательской чёткостью вспыхнул образ Саши - её искренние, сумасшедшие, горячие эмоции, её тихие, сдавленные вздохи, её абсолютная, быющая через край природная влажность и теплота, в которой я когда-то растворялся без остатка.

Эрекция пропала мгновенно. Просто ушла в ноль, словно её и не было.

Я замер на секунду, тяжело дыша, чувствуя, как внутри закипает бешеная ярость - на самого себя, на эту бабу, на этот дурацкий красный бордель вокруг. Резко отстранился, сел на край кровати и закрыл лицо руками.

— Игорь? Ты чего? — Кристина удивлённо захлопала своими ресницами-бабочками, приподнимаясь на локтях. В её голосе впервые за вечер исчезла напыщенная манерность.

— Всё, блять. Закончили, — жёстко, хрипло бросил я, не оборачиваясь. Меня трясло от злости и унижения. — Ничего у нас не выйдет. Забудь.

Я встал с кровати и начал стремительно собирать свои вещи, раскиданные по ковру, натягивая бельё и брюки прямо на ходу.

Лицо Кристины за долю секунды перекошилось от уязвлённого женского самолюбия - её маска слетела, обнажая злобную, базарную фурию. Она поняла, что произошло, и удар по её эго оказался сокрушительным. Подтянула к груди шёлковое покрывало, её глаза сузились, а губы, ещё минуту назад имитировавшие страсть, вытянулись в тонкую, ядовитую линию.

— Не выйдет? — злобно выплюнула она мне в спину, и её голос сорвался на визг. — Да у тебя просто не стоит, Лазарев! Ты импотент несчастный! Насобирает денег, строитель хренов, а в постели полный ноль! Позорище! Мужик ага, блин... Да тебе лечиться надо, импотент!

Я даже не повернулся. Молча застегнул рубашку, накинул пиджак, подобрал туфли и вышел из её спальни, со всей дури хлопнув дверью так, что хрустальные подвески на люстре в коридоре испуганно звякнули. На улице вовсю бушевала декабрьская полночь, морозный воздух полоснул по лицу, возвращая остатки самообладания. Я сел в подкативший внедорожник к Мурату и коротко бросил: «Домой».

Больше я Кристину не видел.

Но вот расплата за эту нелепую, фальшивую ночь прилетела ровно через неделю.

Мы привычной компанией сидели в одном из закрытых загородных клубов на Рублёвке и отмечали день рождения моего друга - Кости. Вокруг было шумно, лился водопадами алкоголь, парни обсуждали бизнес, машины и планы на новогодние праздники. В какой-то момент Боград и Костян деликатно отозвали меня в сторону, к панорамному окну, выходящему на заснеженное поле для гольфа. Они переглядывались с какими-то странными, двусмысленными ухмылками, в которых читалась смесь неловкости и дружеского подкола.

— Игорь, тут такое дело... Короче, до нас слухи дошли, — Костян замялся, крутя в руках стакан с виски. — Твоя эта Кристина... Она, похоже, обиделась на тебя не на шутку после тех выходных.

— И что? — я равнодушно затынул сигару, глядя на них в упор. Мне было глубоко плевать на Кристину и её обиды.

— Да она по всем подругам и общим чатам разнесла историю, что у тебя... ну, это... проблемы по мужской части, — Боград злобно хмыкнул. — Может, её проучить?

— Ещё чего. — Покачал я головой. — Да плевать мне.

Они ждали от меня любой реакции: вспышки ярости, оправданий, угроз засудить или размазать эту дуру через службу безопасности. В конце концов, для мужика моего статуса такие слухи - это удар по репутации, по той самой альфа-самцовой гордости, которой я всегда так дорожил. Но внутри меня не колыхнулось вообще ничего - мне было настолько беспросветно похрен на мнение Кристины, её подруг и всей этой столичной тусовки, что я лишь отмахнулся.

Я достал телефон, открыл наш закрытый мужской чат в мессенджере, где сидело человек пятнадцать - весь наш костяк, включая присутствующих здесь парней, и прямо при них набрал текстовое сообщение, чтоб видели все:

«Мужики, по поводу слухов от Кристины. Всё правда, чистейшая правда. У меня даже после целой бутылки шампанского на эту резиновую Зину не встал. Не получилось, мужики. Ну сорян, у меня на манекены эрекция не предусмотрена природой.»

Нажал кнопку «отправить» и убрал телефон в карман.

Костян и Боград вытаращили на меня глаза, а через секунду их телефоны синхронно пикинули. Они уставились в экраны, перечитали сообщение, и тишину нашего угла разорвал дикий, безудержный гогот. Парни ржали так, что на нас начала оборачиваться половина клуба.

Из чата тут же посыпались кучи смайликов, подколов и сообщений в стиле: «У меня и после цистерны водки бы не встал!», «Лол, резиновая Зина», «Надо было сзади брать и не портить себе настроение». Напряжение спало, ситуация превратилась в отличный анекдот, который полностью аннулировал всю ядовитую затею Кристины.

Но когда я вернулся ночью в свой пустой пентхаус и сел на подоконник, глядя на растянувшуюся внизу сверкающую огнями МКАД, смеяться мне расхотелось абсолютно.

Именно в эту ночь, в тишине огромной квартиры, до меня наконец-то дошло. Дошло со всей сокрушительной, безжалостной чёткостью: больше так жить нельзя. Это тупик. Дно, от которого нужно либо отталкиваться, либо оставаться там гнить навсегда.

Вся эта моя трёхлетняя стратегия - попытки забыться в работе, секс-связи на работе и со знакомыми из круга общения, подглядывание в соцсети через фейковые аккаунты, судорожные попытки найти Сашин силуэт в каждой проходящей блондинке и, как апофеоз, эта позорная, сухая ночь с резиновой Кристиной - всё это было медленным, изощрённым самоубийством. Мой мозг сыграл со мной злую шутку: он увязал образ светлых волос с Сашей, и из-за этого любая блондинка, появляющаяся в моём поле зрения, подсознательно воспринималась как попытка суррогатной замены. Но замена не работала. Таня была сломана моей жестокостью, Кристина оказалась пустышкой, а мой организм просто отказался соучаствовать в этой фальши, выдав закономерный сбой.

Но жить без секса я тоже не мог - я был двадцатипятилетним, здоровым, успешным мужиком с высоким уровнем тестостерона. Базовые физиологические потребности никто не отменял, и превращаться в монаха или сублимировать всю энергию исключительно в кулак я не собирался. Это было вредно для здоровья, да и глупо. Мне нужен был секс - регулярный, качественный, чистый секс без обязательств, без дурацких разговоров по душам, без попыток заглянуть в глаза и без этого грёбаного балласта прошлого.

Значит, правила игры нужно было менять радикально и беспощадно. Пора вырезать опухоль хирургическим путём.

Я достал смартфон, зашёл в магазин приложений и скачал программу, о которой в нашем кругу много слышали, но пользовались ею обычно без лишней огласки — GuiltyPleasure.

Это было специализированное, закрытое приложение для взрослых людей, которые чётко знали цену своему времени и своим желаниям. Никаких долгих переписок, никаких букетов, классических свиданий, рассказов о трудной судьбе или фальшивых стонов. Люди заходили туда исключительно ради физиологии. Всё было конфиденциально, верифицировано и максимально прозрачно: анкета, предпочтения, локация, встреча, секс, разошлись. Идеально, как по мне, для удовлетворения базовых нужд.

Я начал настраивать свой профиль, и когда дошёл до фильтров поиска, мои пальцы замерли над экраном лишь на долю секунды. Внутри меня словно защёлкнулся тяжёлый замок, отсекая прошлое раз и навсегда.

Я зашёл в раздел «Внешность», нашёл графу «Цвет волос» и уверенными, жёсткими движениями снял галочку с пункта «Блондинки». Насовсем. Заблокировал этот триггер к чёртовой матери. Вместо этого выставил жёсткие, бескомпромиссные фильтры: брюнетки, рыжие, шатенки. Только тёмные, насыщенные, контрастные цвета - никакого сходства, никаких случайных ассоциаций, никаких светлых волос, растрёпанных на подушке, которые могли бы снова запустить в моей голове этот заезженный, сопливый сценарий из прошлого.

Я загрузил пару своих полу-анонимных фотографий, где не было чётко видно лица, но отлично считывалась фигура, дорогие часы и салон автомобиля премиум-класса, указал свои параметры и нажал кнопку «Сохранить».

Экран смартфона моргнул, обновляя ленту, и передо мной посыпались сотни анкет девушек с тёмными волосами, яркими глазами и чёткими условиями встреч. Это был новый, абсолютно стерильный, механический мир, где не было места боли, воспоминаниям и призракам. Я

закрыл приложение, откинулся на спинку кресла. Начиналась новая глава. Железный Лазарев возвращался в игру, но теперь он играл по своим собственным правилам.

Глава 7: IGnight &Lexiss

Мне исполнилось тридцать два. Возраст, когда мужчины моего круга обычно обзаводятся жёнами, плодят выводок наследников и начинают рассуждать об уходе на раннюю пенсию благодаря удачным и с умом сделанным инвестициям. У меня же всего этого не было и в планах.

Моей главной, единственной и самой надёжной половинкой стала работа. Я практически переехал в офис, впахивая от десяти до восемнадцати часов в сутки, и мой новый масштабный проект - строительство второго, ультрасовременного офисного комплекса компании на территории Новой Москвы - сжирал всё моё время, мысли и ресурсы. Это был стеклянно-бетонный монстр, в который я зарывался с головой, как страус в песок.

Отец в последний год окончательно сдал: постоянно канючил внуков, при каждой редкой телефонной беседе жаловался на пошаливающее здоровье, давление и сердце, прозрачно намекая, что империю некому будет передать такими темпами и, раз я никого не люблю, то хотя бы «ради приличия» должен завести спиногрызов. Но его стенания отскакивали от меня, как от каменной стены. Кстати, за последний год мы ни разу не виделись лично - то отец неделями пропадал на лечении, то в командировках, то я жил на работе, не вылезая со стратегических совещаний. Отец, конечно, дико переживал и, видя мою эмоциональную глухоту, несколько раз топорно, в своей старой манере, пытался подsunуть мне «правильных» девушек из хороших семей, а однажды даже прислал на личную почту контакты какого-то именитого, запредельно дорогого психотерапевта из Швейцарии.

Я удалил это письмо через две секунды. Потому как моей единственной, проверенной и безотказной психотерапией на протяжении всех этих шести лет оставалось одно-единственное приложение - GuiltyPleasure.

За шесть лет я не сблизился ни с кем. Вообще. Ни одна женщина даже близко не подбиралась к моей душе, да я и не позволял. Я выстроил такую систему личной безопасности, которой позавидовал бы любой банк, и мой личный счётчик за эти годы зафиксировал ровно восемьдесят две разные женщины. Восемьдесят два чужих сексапильных тела, промелькнувших в моей постели. И среди них, согласно моему железному правилу, не было ни одной блондинки - тёмные, рыжие, шатенки, стриженные под каре, с длинными локонами, да кто угодно, только не светлые волосы.

Я очерствел. Очерствел настолько сильно, что порой сам пугался собственного отражения в зеркале. Женщины перестали быть для меня личностями, загадками, интересными собеседницами - они превратились в безликие, взаимозаменяемые куклы, в качественные спортивные тренажёры для сброса сексуального напряжения. Приехал, взял, разрядился, уехал. Никаких имён, никаких завтраков, никаких утренних поцелуев, всё происходило исключительно на нейтральной территории, то есть в посуточных съёмных флэтах бизнес-класса или в безликих номерах пятизвёздочных отелей, где горничные меняли бельё сразу после нашего ухода.

Обратной стороной такого образа жизни стали алкогольные пике. Каждое божье утро я был идеальным, собранным боссом в безупречном костюме, но каждый вечер, возвращаясь в свой пентхаус, я уходил в одинокие запои - дорогой виски, коньяк, джин пил в одну харю, тупо глядя на ночную Москву, пока мозг наконец не отключался. Этот ежевечерний ритуал закономернo начал сажать здоровье: желудок периодически скручивало спазмами, почки ныли, а печень грязно материлась против такой нагрузки. Иногда я устраивал себе жёсткие, недельные детоксы на зелёных соках и капельницах, но долго без алкоголя выдержать уже не мог, потому как трезвая реальность становилась слишком острой и невыносимой. Впрочем, моему делу это не мешало - работа оставалась святым, и на утренних планёрках моя голова всегда соображала быстрее всех, даже если внутри всё горело синим пламенем.

В один из сырых, промозглых мартовских деньков, когда весна в столице больше напоминала грязное недоразумение, я сидел в своей машине на парковке строящегося объекта и тоскливо листал ленту GuiltyPleasure. Я искал вариант на грядущие выходные - тело требовало привычной разрядки.

На анкету с ником Lexiss, возраст 30 лет, я наткнулся случайно. Из профиля на меня дохнуло сногшибательной волной порока: жгучая, бескомпромиссная брюнетка. В её аккаунте было всего три фотографии, и на них не было лица - впрочем, на лицо-то я редко смотрел, меня больше фигура волновала. Всё было снято на телефон через зеркало, со вспышкой, слегка смазывающей детали, но дающей отличный обзор на главное.

На первом фото она стояла спереди в убийном чёрном нижнем белье из тонких кружевных ремешков, которое практически ничего не скрывало. Фигура была феноменальной: тонкая талия, плоский животик с едва заметной спортивной дорожкой и аккуратная, подтянутая грудь третьего размера. М-м-м... Девушка-мечта. На втором снимке был дерзкий ракурс сбоку, в позе наездницы на диване, демонстрирующий идеальный прогиб поясницы и сочные, округлые бёдра. На третьем - вид сзади, убийный акцент на идеальную, упругую попку, обтянутую микро-стрингами. Если бы можно было шлёпнуть её через экран смартфона, я бы сделал это сию секунду. Но - увы и ах.

Меня моментально прошиб разряд чистого вожделения. Мне было абсолютно плевать, какое у неё лицо, какие губы и разрез глаз, эта фигура была создана для того, чтобы её трахать, жёстко и без лишних прелюдий. Я даже призадумался, что если куколка будет хороша в ласках, то буду всеми руками и стояками за последующие встречи.

Мой собственный профиль под ником IGnight был настроен в аналогичном, анонимном ключе - никакого фейса, чтобы не светить им... сами понимаете. В ленте всего два кадра: на первом мой подсушенный кубический пресс (который, впрочем, за полгода стал заплывать - моя вина... много алкоголя и никудышное питание, но вроде как девушек ещё не отталкиваю), рельефные косые мышцы и игривый, низко спущенный край спортивных штанов, открывающий линию лобка. На втором - фото из нашего закрытого корпоративного спортзала, сделанное со спины: широчайшие мышцы, мощные плечи и подтянутая, жёсткая задница в обтягивающих тайтсах. Девчонки в приложении этот кадр оценивали на ура.

Я нажал кнопку «Лайк», как вдруг экран моргнул. Система выдала совпадение - оказалось, она лайкнула меня ещё раньше. И вместо дежурного, тупого «Привет, как дела?» в диалоговое окно мгновенно прилетело сообщение.

Эта девица написала первой. И её стартовая подача заставила меня впервые за день искренне усмехнуться.

Lexiss: «Привет! Зачётная задница! Все бабуины мира завидуют, небось. А спина-то какая! Медведь курит под кустом! Ты случаем твёрдом не промышляешь?»

Я откинулся на кожаное сиденье внедорожника. Дерзко. Чертовски дерзко и без привычного бабьего жеманства - в её стиле сквозило какое-то стёбное чувство юмора, манера заправской клоунессы, которая не пытается казаться нежной фиалкой, а сразу бьёт в нос. Я уже давненько не читал таких чудоковатых сообщений.

IGnight: «Привет, Lexiss. Спасибо за комплимент. Это так мило. Фигура на твоих селфи - просто криминал. Особенно вид сзади. Тебя надо арестовать, нельзя быть такой красоткой.»

Ответ прилетел буквально через полминуты. Скорость её реакций радовала.

Lexiss: «Но-но! Попрошу! На такую комплекцию ушло три года рабства в тренажёрке и примерно тонна съеденной куриной грудки. Так что цени, эти приседания оплачены потом, кровью и слезами моих бывших тренеров, которых я морально уничтожила.»

IGnight: «Ценю. Впечатляет. Судя по анкете, ты здесь не для того, чтобы обсуждать методику приседаний со штангой?»

Lexiss: «Погоди-ка! Так ты не только жопастый, но ещё и умный?! Зришь в корень. Разумеется, я здесь не за тем, чтобы обсуждать куроградку или как правильно сушиться. Всё максимально прозрачно. Вижу цель - не вижу препятствий. Мне нужен качественный тест-драйв без последующих звонков в три часа ночи со словами "ты изменила мою жизнь".»

Я затаился сильнее, чувствуя, как внутри приятно покалывает забытый азарт. Эта девка явно знала правила игры и играла в них нагло, с позиции силы. Её стёбный тон забавлял.

IGNight: «Тест-драйв - это по моей части. Условия стандартные: отель или съёмная квартира, нейтральная территория, вечер, пара часов чистого спорта. Без имён, без личных историй, без мозгоклюйства.»

Lexiss: «О! Идеально! Дайте два! Только учти, IGNight: если ты в жизни окажешься бревном, которое умеет только красиво фоткать лобок, я прямо во время процесса притворюсьдохлым хорьком или буду наизусть читать анекдоты. Это моя попытка для плохих любовников. Предупреждаю сразу.»

Я коротко рассмеялся.

IGNight: «До такого не дойдёт, Lexiss. За базар отвечаю. Могу гарантировать, что зевать тебе не придётся... дыхания не хватит. Когда свободна твоя идеальная попка?»

Lexiss: «Через недели две. К сожалению, не раньше. Но мы всегда можем отрепетировать... Что думаешь о вирте на первое время?»

Хмм, я подумал, что она либо сливается, либо прощупывает заранее, какой я любовник.

IGNight: «Строго положительно, хочешь прямо сейчас?»

Lexiss: «Когда я буду в постели, то напишу... Жди.»

Диалог закрылся. Я заблокировал телефон, бросил его на пассажирское сиденье и несколько секунд сидел в полной тишине, слушая, как капли грязного мартовского дождя стучат по лобовому стеклу внедорожника.

Впервые за долгие месяцы алкогольной рутины внутри меня шевельнулось что-то похожее на живой интерес. Эта брюнетка с острым язычком и фигурой грешницы умудрилась пробить мою ледяную оборону одной короткой перепиской. Вечер обещал быть как минимум нескучным.

Ждать пришлось долго. Я успел доехать до офиса, провести убойное трёхчасовое совещание, вернуться в пентхаус, открыть бутылку двенадцатилетнего односолодового и высадить добрую треть. Трезвая реальность никак не хотела тускнеть, а в голове настырно крутился образ тугой попки в кружевных ремешках.

Экран смартфона ожил только в начале первого ночи, когда я уже сидел на подоконнике в одних спортивных штанах, лениво гоняя виски в стакане.

Lexiss: «Ну что, потерял меня? А я уже в постели. На мне футболка оверсайз и больше ничего. Готов пошалить или чмокнуть тебя в лоб и отправить баиньки?»

Я криво усмехнулся, отставляя стакан.

IGNight: «Потерял... Уже хотел в розыск подать: вы видели эту горячую девочку? Сейчас я пью виски, детка. На мне только штаны... С чего начнём? Срываем футболку или сразу перейдём к криминалу?»

Lexiss: «Ууу, какой шустрый. Нет, так не пойдёт. Сначала горяченькое... Представь, что я сижу прямо перед тобой... Я медленно стягиваю футболку через голову... И, кстати, у меня крепкая троечка... У тебя большие ладони, чтобы полностью их обхватить?»

Пальцы набили ответ быстрее, чем мозг успел включить привычный фильтр. В паху потеплело, а сердце сделало лишний удар.

IGNight: «Ладони большие, как и ещё кое-что... Представил. Отличная картинка. Если ты на моём пушистом ковре, то я спускаюсь к тебе. Не спешу тискать твою великолепную грудь, а жёстко перехватываю твои запястья одной рукой над головой. Что дальше?»

Lexiss: «Ого, полегче на поворотах, мистер Доминатор! Мне уже нравится этот сценарий. Дальше? Дальше я кусаю тебя за нижнюю губу... не сильно, но так, чтобы ты понял, что я не ручная. И медленно опускаю ладонь по твоему прессу ниже... туда, где у тебя штаны так заманчиво приспущены на фото. На ощупь ты как кирпичная кладка. Мои пальцы ныряют под резинку... Что там у нас?»

Я тяжело выдохнул, чувствуя, как кровь мощным приливом ударила в пах. Эрекция была каменной, мгновенной и такой, какой у меня не было со времён... да чёрт знает с каких времён. Организм на эту невидимую брюнетку среагировал как голодный хищник на кусок мяса.

IGNight: «Там у нас то, что очень хочет оказаться внутри тебя, Lexiss. Прямо сейчас. Я вжимаю тебя спиной в ковёр, раздвигаю твои колени...»

Мы переписывались ещё минут сорок. Текстовые сообщения летели одно за другим, становясь всё более откровенными, грязными и горячими. Это был не просто вирт... О нет, это был какой-то дикий, лихорадочный пинг-понг, где она умудрялась перемешивать сочные эротические фантазии со своими фирменными стёбными подколками, не давая мне сорваться в банальную пошлятину. Она вела процесс, то дразня меня, то полностью отдавая контроль.

Lexiss: «Ты хочешь кончить... Но я не позволю сделать тебе это так быстро... Я слезаю с тебя... Отстраняюсь и начинаю ласкать себя на твоих глазах...»

Я уже вовсю наяривал кулаком свой член, намертво залипнув в экран. В голове полыхал пожар - я слишком ярко представлял, как эта роскошная брюнетка с убойной фигурой сидит напротив, прогнув поясницу, и её пальцы скользят по собственной шелковистой коже. Дыхание сбилось, по венам растёкся концентрат возбуждения. Чтобы не кончить слишком быстро, я сжал зубы, на пару секунд перестал двигать рукой и лихорадочно застучал по клавиатуре:

IGNight: «Я не могу выдержать, что тебе хорошо без меня... Подхожу к тебе, хватаю за волосы и запрыгиваю твою голову назад...»

Отправив это, я ещё раз взялся за член, глубже и яростнее ускоряя темп, и тихо зашипел от удовольствия, ловя дикий кайф. Кожа к коже, до предела, до искр из глаз. Снова вынужденная пауза на вдохе, чтобы не сорвать стоп-кран.

IGNight: «...И начинаю целовать твои губы, подбородок, шею. Я аккуратно укладываю тебя, строптивую, на ковёр и спускаюсь всё ниже и ниже. Мои пальцы раздвигают твои бёдра, лаская нежные половые губы, сминая их, пока ты не начнёшь умолять меня.»

Ещё пара резких движений рукой, и горячая волна подкатила к самому горлу. Я чуть не кончил, вновь заставляя себя остановиться, чтобы растянуть это сумасшедшее удовольствие. Смахнул каплю пота со лба, чувствуя, как бешено колотится сердце.

IGNight: «Скажи, ты себя трогаешь сейчас?»

Лекси ответила через долгую, мучительную минуту - наверное, самую длинную минуту за эту ночь.

Lexiss: «Ммм, ещё как... Я представляю всё, о чём мы говорим... А ты?»

IGNight: «Да, малышка, но я бы предпочёл вместо собственной руки тебя.»

Сдерживаться больше не было никаких сил. Контроль сорвался к чертям. Я сжал член у самого основания и сделал несколько мощных, финальных движений. Меня накрыло такой оглушительной, мощной вспышкой, что в глазах потемнело. Толчками, с хриплым выдохом, я кончил прямо на собственный живот, чувствуя, как вместе с этой разрядкой из тела уходит застарелое, давящее напряжение последних недель.

Когда всё закончилось и я, тяжело дыша, повалился на подушки, простыня подо мной была измята, а в руке догорала сигарета. Экран телефона снова мигнул.

Lexiss: «Ну что, Стальной... Тест-драйв первой ступени прошёл успешно. Даже анекдоты читать не пришлось. Ты чертовски хорош. А теперь - спать. У меня завтра тяжёлый день... Но хотя бы ты делаешь вечер лёгким.»

IGNight: «Спокойной ночи, Lexiss. Но ты уверена насчёт двух недель? После этой ночи я хочу тебя прямо здесь и сейчас.»

Lexiss: «Тем слаще будет финал. Жди.»

Она вышла из сети. Я закрыл приложение, выкинул бычок в пепельницу и устался в потолок. Внутри меня, вместо привычного тупого алкогольного забытья, горел азарт. Эта девка перевернула мои правила игры за один вечер, и самое паршивое - мне это чертовски нравилось.

Глава 8: Пранк для вице-президента

Утро пятницы началось не с привычного, отдающего металлом во рту похмелья и не с убойного эспрессо, который мне в последние полгода варила новая кофемашина. Оно началось со звука, ставшего за шесть лет главным наркотиком, короткого, сухого писка уведомления из GuiltyPleasure.

Я разлепил веки, нащупал на тумбочке телефон и зажмурился от яркого света экрана. На часах было начало восьмого, а в диалоговом окне висело свежее сообщение от Лексисс без текста, только вложенный файл.

Когда я открыл его, остатки сна улетучились так, словно меня с размаху швырнули в ледяной бассейн. Это было селфи из душа. Камера смартфона слегка запотела от горячего пара, создавая вокруг фигуры девушки мягкий, почти интимный ореол, но разглядеть главное это не мешало. Лексисс стояла перед большим зеркалом во весь рост, кокетливо и дразняще пряча свою прекрасную, упругую грудь третьего размера и тёмное лоно за белоснежным махровым полотенцем. Но полотенце было слишком узким - оно лишь распаляло воображение, оставляя открытыми влажную, мерцающую в лучах точечных светильников кожу, изящную, крутую линию тонкой талии и невероятные, сочные бёдра, от которых у меня ещё ночью срывало крышу. Капли воды медленно стекали по её животу, исчезая в складках ткани, и я проследил взглядом каждую из них, чувствуя, как пересыхает во рту.

IGNight: «Твою мать, Лексис... Ты вообще понимаешь, что делаешь? Дай мне адрес этого душа, я приеду со своим полотенцем!»

Я откинул одеяло, чувствуя, как утренний стояк наливается болезненной силой. Гормоны взбунтовались. Внутри проснулся азартный, голодный пацан, которым я не был уже очень давно. Мне захотелось ответить так же дерзко, на той же волне взрослой, бесстыдной игры. Я поднялся, подошёл к панорамному окну, выходящему на серую, затянутую лёгким туманом Москву, уверенным движением отодвинул край боксеров и сфотографировал свой массивный, полностью эрегированный член на фоне утреннего пейзажа. Ракурс получился убойным: венозный, тёмный от прилива крови, жёсткий, как арматура, с влажной, поблёскивающей головкой. Я прикрепил фото и нажал «Отправить».

А дальше началась долгая, изнурительная паранойя.

Прошла минута. Две. Пять. Статус сообщения сменился на «Прочитано». Я буквально кожей почувствовал, как эта горячая штучка на том конце экрана смотрит на мой присланный кадр, как её взгляд скользит по венам, по стволу, по влажной головке. Но вместо ожидаемого комплимента, вирта или хотя бы грязной шуточки экран оставался девственно чистым. Лексисс ничего не ответила. Вообще. А спустя ещё три минуты её статус сменился на «Офлайн». Она просто вышла из приложения.

— Блять, Лазарев, ну ты и дебил, — вслух выругался я, швыряя телефон на кровать.

Я зачморил себя так, как не чморил со времён академических неудач. Повёл себя как самый тупорылый Дикпикинсон. Шесть лет конвейера из восьмидесяти двух баб за спиной, а я повёлся как голодный девственник на первую же горячую фотку. Она хотела тонко пококетничать, поиграть в недосказанность, растопить утренний лёд красивым эстетичным кадром, а я всё испортил своей топорной пошлятиной. Вывалил свой агрегат в лоб. Разумеется, её это оттолкнуло. Умные, дерзкие бабы не любят, когда им сразу пихают в экран мясо без прелюдий.

Весь день на работе прошёл под знаком злости на самого себя. Я приехал на объект в Новую Москву, материл прорабов, разносил в пух и прах поставщиков, сорвал голос на планёрке с архитекторами, но краем глаза каждые пятнадцать минут проверял телефон. Пусто. Лексисс не появлялась в сети. Час дня, три, пять вечера... Она словно испарилась, оставив меня вариться в собственном соку и собственном унижении. Я уже мысленно удалил её анкету из

фаворитов и пообещал себе вечером уйти в такой вискарный запой, чтобы вообще забыть, как пользоваться смартфонами.

Но в седьмом часу вечера, когда на столицу опустились сумерки, а я сидел во главе огромного Т-образного стола в переговорной холдинга, телефон на беззвучном режиме коротко вибрировал, сдвинувшись на пару миллиметров по лакированному дереву.

Я тут же перевернул его экраном вверх. От Лексисс.

Lexiss: «Весь день думала о твоём сочном члене... Представляя, что это малиновый леденец. Хочется сосать его медленно, чтобы он таял у меня во рту, а я слизывала каждую каплю этого сладкого сиропа.»

Надо ли говорить, как обрадовался мой приятель в штанах такому внезапному, убойному комплименту? Мой друг мигом встал по стойке «смирно», натянув ткань брюк так, что мне пришлось поправить полы пиджака. Кровь от головы хлынула вниз с такой скоростью, что перед глазами на секунду заплясали чёрные точки. Я почувствовал, как по позвоночнику пробежала горячая дрожь, а в паху стало тесно и влажно. Но вот беда была в том, что я находился на сложнейшем, важнейшем совещании по согласованию смет второго этапа строительства офисного комплекса.

Вокруг меня сидело человек двенадцать: начальники отделов, ведущие инженеры, юристы и представители надзорных органов. На огромном экране шла детальная, нудная презентация узлов заливки фундамента и прокладки инженерных сетей. Все что-то бурно обсуждали, спорили, шуршали чертежами. А я сидел, вцепившись пальцами в край стола, и чувствовал, как под пиджаком по спине ползёт горячая капля пота.

Спустя десять минут этого ментального ада я не выдержал. Плевать на сметы, плевать на вентиляцию. Я опустил руку с телефоном под стол, скрывая его от подчинённых, и набрал ответ, едва сдерживая учатившееся дыхание:

IGNight: «Хочешь взять его в рот? Любишь сладкое? Устрою тебе такую дегустацию, малышка, что коленки задрожат. Будешь глотать этот леденец до самого основания.»

Ответ прилетел мгновенно. Она словно сидела и караулила мой текст.

Lexiss: «Где ты сейчас?»

Этот вопрос меня искренне ошарашил. Я даже выпал из реальности на секунду, тупо глядя на строчки на экране. Внутри шевельнулось что-то холодное. Мой мозг, отравленный девятью годами одиночества, тут же выдал худший сценарий: мне показалось, что она параллельно переписке со мной строчит кому-то другому, запуталась в диалогах и скинула этот вопрос мне по ошибке. Уж очень невольно, слишком резко прозвучали эти слова после грязного эротического тона. По коже колючими иголками пошла самая настоящая, злая, собственническая ревность. Я терпеть не мог делиться своими игрушками, пусть даже виртуальными.

IGNight: «На работе...» — сухо и коротко отрезал я, прощупывая почву.

Lexiss: «Где именно? Чем занят?»

Нет, она явно не ошиблась чатом. Она спрашивала конкретно меня. Но внутри меня лавиной начала нарастать какая-то дикая паранойя. Мне это чертовски не нравилось. Почему она так настойчиво интересуется моей геолокацией прямо сейчас? Откуда этот допрос? Неужели кто-то из моих подчинённых — суки из IT-отдела или юридического — пронюхал, что Железный Лазарев, сидит в пошлом закрытом приложении под анонимным ником? Неужели они вычислили меня по фото спины или часам и теперь решили устроить компрометирующий пранк? Подставить, слить переписку в сеть, разрушить мою карьеру? Сердце застучало в ушах, как сумасшедший отбойный молоток. Захотелось заблокировать её нахрен и разбить телефон об стену.

IGNight: «Я на совещании.» — максимально холодно, по-деловому ответил я, обрывая любые флиртовальности.

Lexiss: «Ммм, а там много людей?»

IGNight: «Почему ты спрашиваешь?»

Lexiss: «А ты представь, что я сижу справа от тебя...»

Я нахмурился, оторвал взгляд от экрана и медленно повернул голову направо. Справа от меня, вплотную придвинув свой стул, сидел Альфред Генрикович - наш главный инженер по технадзору. Это был грузный, абсолютно лысый пятидесятилетний мужчина с огромной, кустистой чёрной бородой, который в этот момент с умным видом ковырял в ухе колпачком от ручки, изучая графики деформации грунта. Представить на его месте жгучую, сексуальную брюнеточку в кружевном белье не получалось от слова «совсем», пусть у Альфреда Генриковича и была чёрная борода. Картинка рушилась, вызывая когнитивный диссонанс. Но Лексисс продолжила свою атаку, не давая мне опомниться.

Lexiss: «Все смотрят презентацию и не обращают на нас никакого внимания... Я караюлю идеальный момент и как бы случайно роняю ручку на пол. Она укатывается под стол. Я наклоняюсь, забираюсь под него... исчезая из поля зрения коллег...»

Я сглотнул сухую слюну. Поясницу прошиб мощный разряд тока, и я чуть не застонал вслух прямо на всю переговорную - пальцы сжали бедро под столом, а член в брюках запульсировал, требуя свободы. Я чувствовал, как головка трётся о ткань боксеров, как каждая вена на стволе наливается кровью, и от этой тесноты, от этого запретного возбуждения посреди деловой встречи у меня кружилась голова.

— Игорь Владиславович, что вы думаете об этом? — неожиданно раздался строгий, звонкий голос откуда-то с противоположного конца стола.

— Что мне... это нравится... — ответил я с явным, хриплым придыханием, даже не сообщая, что несу. Слова вылетели изо рта сами, ведомые картинкой под столом.

Я вздрогнул, резко вскинул голову. Мой пьяный от вожделения, затуманенный взгляд уткнулся в Лидию Андреевну - главу нашего финансово-аналитического департамента. Она стояла у экрана с лазерной указкой в руке и смотрела на меня в упор, ожидая вердикта по какому-то ключевому пункту.

В переговорной мгновенно воцарилась гробовая тишина. Все двенадцать человек, включая лысого Альфреда Генриковича, оторвались от своих бумаг и уставились на меня с очень странным, смесью недоумения и шока, выражением лиц. Лидия Андреевна медленно опустила указку, её брови поползли вверх. Чтобы вице-президент одобрял перерасход бюджета с таким томным вздохом, будто ему только что сделали массаж простаты, такого холдинг ещё не видел, блять!

— Ой! — я резко потряхнул головой, сбрасывая морок. — То есть... Лидия Андреевна, повторите вопрос. Задумался над параллельным графиком поставок арматуры, упустил нить.

Лидия Андреевна деликатно кашлянула, поправляя очки, хотя взгляд её оставался подозрительным:

— Игорь Владиславович, я спрашивала про требование подрядчика выделить дополнительные четырнадцать миллионов рублей на спец-добавки для бетона марки В35. Они утверждают, что без этого заливка несущих колонн парковки в мартовские заморозки сорвёт все сроки, и бюджет неизбежно поползёт вверх.

— Нет, это абсолютно неприемлемо. Перебьются. Нашли на чём делать перерасход - на зимних присадках, которые у них и так должны быть заложены в смету. Подрядчику передать: либо льют в рамках базового бюджета строго по регламенту, либо завтра мы расторгаем контракт...

Лидия Андреевна с облегчением кивнула, её лицо разгладилось. Она повернулась к своему помощнику, строчащему протокол. Все вернулись к экрану, зашумели снова, а я, переведя дух, опустил глаза обратно в телефон. Моя брюнетка на том конце экрана расплылась не хуже моего, строча сообщения со скоростью пулемёта. Она явно ловила дикий кайф от этой виртуальной игры в реальном времени.

Lexiss: «Я ищу эту дурацкую ручку на ковролине... И она чисто случайно оказывается прямо у твоих ног. Я подползаю ближе, замирая между твоих раздвинутых ног. Моё лицо оказывается на уровне твоего паха. Я случайно обращаю внимание на твои брюки и вижу... Твой огромный, выпирающий плотным бугром через ткань член. Во мне разгорается невероятное, дикое желание прильнуть к нему, ощупать эту мощь...»

Я почувствовал, как у меня перехватило горло. Картинка была настолько осязаемой, что я почти физически ощутил тепло её дыхания через ткань брюк, увидел, как её пальцы тянутся к моей ширинке, и от этого видения по животу разлился жидкий огонь.

Lexiss: «Совершенно забывая, где я нахожусь, забывая про коллег, я медленно кладу ладонь на твой пах. Начинаю лапать твой член, сжимая его пальцами, чувствуя, какой он горячий и твёрдый. Ты слегка дёргаешься от испуга, твои колени судорожно сжимаются, и ты едва слышно шепчешь сверху: "Что ты делаешь? Перестань... нас увидят...". А я не могу остановиться, потому что мне безумно нравится то, что я трогаю...»

Мой член окончательно окаменел, превратившись в монолитную глыбу. Я сидел, выпрямив спину, и боялся пошевелиться, чтобы не выдать себя. Лидия Андреевна, случайно скользнувшая по мне взглядом, наткнулась на мой пьяный от вожделения и затуманенный взор - она вдруг густо смутилась, запнулась на полуслове и поспешно отвернулась в сторону нового спикера, начавшего доклад по прокладке кабелей. Чёрт, Лексисс! Что ж ты делаешь со мной, маленькая дрянь?! Ты меня прямо здесь, на совете директоров холдинга, до инфаркта доведёшь!

Lexiss: «...Он каменеет прямо в моей руке, пульсирует под моими пальцами. Я больше не могу сдерживаться. Я аккуратно, стараясь не шуметь змейкой, открываю твою ширинку... Расстёгиваю пуговицу. Пальцами цеплю и стягиваю вниз эластичную резинку твоих трусов... Ммм... Я вижу его во всей красе. Горячий, полностью готовый. Я обхватываю его основание ладонью и начинаю медленно, плавно ласкать, водя рукой вверх и вниз по всей длине, натягивая кожу...»

Я закрыл глаза, судорожно втягивая воздух через нос. Внутри всё горело, а по венам словно потёк расплавленный металл. Я чувствовал, как к головке члена приливает обжигающая пульсация, как предэякулят начинает пачкать бельё, оставляя влажное пятно на ткани. Это было слишком сильно, слишком остро. Напряжение вперемешку со страхом быть пойманным создавало взрывной коктейль, и я почти физически ощущал эти тонкие, нежные пальчики брюнетки, которые безжалостно доводили меня до точки кипения.

Lexiss: «...Я ускоряю темп. Моя ладонь ходит быстро, собирая смазку, размазывая её по всей длине. Ты сидишь там, наверху, пытаешься умничать перед коллегами, а сам до боли сжимаешь пальцы на столе, сдерживая дикий, животный стон. Ты уже близок к космическому фейерверку... Твои яйца подкатили к самому верху, ты готов излиться мне в руку прямо сейчас... Но тут презентация на экране заканчивается. Загорается яркий свет, аплодисменты, и все двенадцать человек за столом синхронно поворачивают головы в нашу сторону...»

Я замер, не смея дышать, пальцы на телефоне побелели.

Lexiss: «...Чёрт! Мне приходится резко остановиться. На самом интересном месте! Я быстроправляю твой член обратно, наскоро прикрываю ширинку брюк, хватаю с пола ручку и с невинным видом вылезаю из-под стола, поправляя волосы... Облом! Твой фейерверк отменяется!»

— Вот же хитрая, сумасшедшая сучка... — беззвучно, одними губами прошептал я, утыкаясь лицом в ладони. Меня буквально трясло. В паху была такая давка от несостоявшейся разрядки, что хотелось выть.

Спикер закончил доклад, Альфред Генрикович начал собирать свои папки, совещание объявили закрытым. Едва дождавшись, пока коллеги начнут подниматься со своих мест, я пулей, со сносящим крышу, диким стояком вылетел из переговорной. На ходу бросил секре-

тарше: «Меня ни для кого нет!», ворвался в свой кабинет и заперся в личном, отделанном тёмным мрамором туалете.

Я сорвал с себя пиджак, рванул ремень и пуговицу брюк, практически вываливая свой пылающий, сочащийся член наружу. Он был горячим, багровым, с набухшими венами и влажной головкой, с которой уже свисала тонкая нить смазки. Я опёрся одной рукой о холодную, гладкую стену из керамогранита, закрыл глаза и начал яростно, глубоко наяривать кулаком. В голове стоял сплошной, плотный туман. Я больше не видел стен туалета, я не думал о работе - я с сумасшедшей чёткостью представлял, как ломаю эту наглую, дерзкую брюнетку Лексисс прямо здесь. Представлял, как хватаю её за густые тёмные волосы, заставляя запрокинуть голову, и жёстко, глубоко трахаю её в рот, наказывая за эту издевательскую игру под столом. Представлял, как она давится, но принимает меня всего, до самых гланд, а её пальцы царапают мои бёдра, и как по её подбородку стекает слюна, смешанная с моей смазкой.

Ритм руки стал запредельным. Ладонь скользила по стволу с влажным, хлюпающим звуком, собирая обильную смазку, размазывая её по всей длине. Дыхание вырывалось из груди хриплыми, животными рывками. Я чувствовал, как тяжелеет мошонка, как подкатывает к самому основанию та самая горячая, неудержимая волна. Ещё несколько мощных, глубоких фрикций и меня накрыло такой оглушительной, первобытной вспышкой, что колени подогнулись. Со стоном я мощно, толчками кончил прямо на стену перед собой. Белые, густые струи брызнули на тёмный мрамор, стекая вниз, и я смотрел на них, тяжело дыша, чувствуя, как тело обмякает, а внутри наконец-то разливается благословенная, опустошающая слабость.

Я стоял минуты три, уткнувшись лбом в гранит, тяжело и прерывисто дыша. Сердце постепенно замедляло свой сумасшедший бег. Я достал телефон, открыл чат.

IGNight: «Ты просто невероятная, Лекси. Ты сумасшедшая дрянь, но ты лучшая. Я только что кончил в своём кабинете, представляя, как беру тебя в рот за этот облом под столом.»

Ответ прилетел почти сразу, увенчанный кучей игривых смайликов.

Lexiss: «Надеюсь, ты в жизни такой же горячий, как в своих текстах. Рада, что скрасила твоё унылое совещание. Пошла работать.»

Я тяжело вздохнул, убирая мобильник. Закусил губу до боли, со злостью и азартом понимая одну простую, катастрофическую вещь: до нашей реальной встречи оставалось ещё целых тринадцать дней. Тринадцать дней чёртова сухого пайка и ментальных пыток.

— Чёрт... Ещё тринадцать дней я просто не вытерплю, — прорычал я.

Я оторвался от стены, взял с держателя пачку бумажных салфеток и со злостью, размашистыми движениями начал вытирать плитку, на которую только что кончил. Железный Лазарев официально попался на крючок.

Глава 9: Ломка и фантомы

Остаток вечера пятницы и все следующие сутки я провёл в состоянии, которое иначе как дикой, позорной ломкой назвать было нельзя. Воротила со сметным мышлением и ледяным сердцем, превратился в сопливого подростка. Перчинка не выходила на связь. Её статус в GuiltyPleasure упорно светился «офлайн», а я, потеряв последние остатки мужской гордости, как конченный идиот, настроил ей кучу сообщений. Диалоговое окно выглядело моим персональным позором: череда моих безответных реплик, висящих в пустоте, как крик в глухом лесу.

Эти дни я не пил. Впервые за долгие месяцы я проигнорировал барный шкаф, не прикоснулся к двенадцатилетнему виски и даже заставил себя вернуться в спортзал холдинга, наплевав на утреннюю вялость и ноющую боль в мышцах. Мой организм, привыкший к ежевечерней алкогольной анестезии, бунтовал, требовал своей дозы, но я упорно таскал железо, гонял себя на беговой дорожке до седьмого пота, потому что Лексисс заставила меня посмотреть на себя со стороны трезво, цинично и беспощадно. В какой-то момент, стоя перед зеркалом в раздевалке и пытаясь сделать несколько свежих фото, чтобы подразнить малышку, я замер. Мне пришлось изрядно втягивать чёртов живот, который уже далеко не так изобиливал идеальными, рельефными кубиками, как на тех старых снимках в моём профиле. Полгода регулярных пьянок, ночных фастфудов на стройплощадках и никудышного питания сделали своё грязное дело - рельеф поплыл, размылся, потерял чёткость.

«Вот чёрт... Стареешь, Лазарев. Сдаёшь позиции», — зло подумал я, разглядывая себя в отражении.

Кое-как выбрав самый удачный кадр, где игра света и тени скрывала огрехи режима, я прислал его ей. А потом, окончательно сорвавшись с катушек от этого невыносимого молчания, не выдержал и прикрепил прямой, глупый вопрос: «Куда ты пропала?»

Её отсутствие вызывало настоящую физическую абстиненцию. Такое со мной случилось впервые за долгие, сухие девять лет чтобы я вот так, с замиранием сердца проверял телефон каждые пять минут, ожидая строчки от едва знакомой девицы. Нет, опыт вирта у меня в жизни, конечно, был, но довольно скудный, мимолётный. Обычно у меня просто не было настроения на этот цифровой суррогат, я предпочитал брать своё живую, без лишней лирики. Либо девчонки в сети попадались откровенно неумёхи - пресные, скучные, предсказуемые. Они не умели интриговать, не умели держать баланс между пошлостью и стёбом, сразу скатывались в унылое, конвейерное порно.

Но Лексисс... Лексисс была другой. Она была опасной, умной клоунессой с чернушным юмором, которая умудрялась дёргать за мои ниточки так, как ей вздумается. И это бесило. Это заводило меня до дрожи в коленях, до испарины на затылке.

На следующее утро, окончательно потеряв лицо, я зашёл в чат и написал короткое, дурацкое: «Ауууу».

Едва палец нажал на стрелку отправки, я мысленно закатил глаза. Ну какой же дебил! Зачем я давлю на неё? Женщины чувствуют мужскую нужду за километр, это их пугает и отталкивает. Я попытался удалить сообщение, но функция в приложении загнула, и строчка осталась висеть. Всё, финита. Похоронил себя сам.

Чертовка не ответила ни на следующий день, ни на последующий. Прошло пять дней бесконечного, серого мартовского ада. На работе я был чернее тучи, прорабы обходили мой кабинет по идеальной дуге, чувствуя, что вице-президент готов рвать и метать. К концу недели я уже мысленно попрощался с ней, засунул её анкету в дальний угол памяти и вынес вердикт: баба стопроцентно замужем. Раз так резко и бесследно пропала с радаров посреди бурного флирта - значит, нагрянул благоверный из командировки, или телефон был временно конфис-

кован семейным надзором. Секс с замужними у меня за эти шесть лет тоже случался неоднократно - все женатые и замужние люди любят это закрытое приложение за абсолютную анонимность, верификацию и гарантированные одноразовые встречи без последствий. Что ж, значит, Лексисс просто играла в свою игру, пока муж спал. Цинично, понятно, предсказуемо. Я заблокировал экран и пообещал себе больше не открывать эту ветку.

Но в четверг вечером, когда я уже ни черта не ждал и сидел на кухне своего пентхауса, от неё наконец-то пришло уведомление.

Lexiss: «Извини... сломался смартфон((Да ещё и сложный, убойный проект на работе подкинули, вообще из офиса не вылезала, свет божий не видела. Если ты после такого динамо не захочешь больше общаться, я пойму.»

Я ответил молниеносно, буквально подавившись густым протеиновым коктейлем - да, теперь вместо привычного вечернего виски я цедил этот шоколадный суррогат, окончательно взявшись за себя. Лексисс, сама того не ведая, заставила меня встряхнуться, реанимировать своё заплывающее тело. Я быстро вытер губы ладонью и застучал по экрану:

IGNight: «Ай-я-яй! Какая плохая девочка. Ты хоть понимаешь, на сколько статей УК ты намотала своим молчанием? Я тебя накажу, Лекси. Жёстко и без права на апелляцию.»

Ответ прилетел мгновенно. Она была в сети.

Lexiss: «Ммм? И как же? Уже дрожу от страха.»

IGNight: «А как бы ты сама хотела, чтобы тебя наказали?»

Lexiss: «Ахаха, ну и что же это за наказание такое, если я сама должна его выбирать?»

IGNight: «Принудительно-добровольное! Так что включай фантазию, Лекси.»

Lexiss: «Ммм... ладно, Мистер Горячие Булочки. Есть у меня один заманчивый вариант...»

IGNight: «Слушаю... то есть читаю. Весь во внимании.»

Я отставил пластиковый шейкер с протеином на кухонный остров, взял телефон и медленным шагом пошёл в спальню. В паху мгновенно, привычным горячим толчком проснулся голодный зверь - я чувствовал, как кровь приливает к паху, как тяжелеет член, натягивая ткань спортивных штанов.

Lexiss: «Представь... мы в моей спальне. Здесь очень темно, только блёклый свет от уличных фонарей пробивается сквозь щели в жалюзи. Я прячусь от тебя в этой темноте, тихо смеюсь, а ты шаришь руками по воздуху и никак не можешь меня нащупать...»

IGNight: «Продолжай, малышка. Мне нравится начало.»

Я зашёл в свою спальню, выключил верхний свет, погружая комнату в точно такой же полумрак, и прислонился спиной к прохладной стене, не отрывая взгляда от светящегося экрана. Свободная рука сама собой нырнула под резинку штанов, пальцы сомкнулись на наливающимся стволе, и я начал медленно, тягуче ласкать себя, чувствуя, как под кожей перекачивается пульсация.

Lexiss: «Спустя минуту этих блужданий вслепую ты неожиданно натыкаешься ладонями на мою голую грудь. Цепко хватаешься за неё, сжимаешь соски и больше не выпускаешь, как бы я ни пищала и ни старалась выкрутиться из твоих лап... Твои сильные руки резко разворачивают меня к тебе попкой, прижимая спиной к твоему горячему телу...»

Я шумно выдохнул через нос, ускоряя движения пальцев. Темнота вокруг только обостряла воображение, делая каждое её слово осязаемым и реальным. Я видел её грудь в своих ладонях, чувствовал, как твёрдые соски упираются в мои пальцы.

Lexiss: «Ты бесстыдно лапаешь мои груди, сминаешь их, а сдираешь с меня остатки одежды, оставляя абсолютно голой. Ты подталкиваешь меня вперёд и кидаешь животиком на широкую кровать...»

IGNight: «Ты же знаешь... что когда мы встретимся в реале, мы это повторим? Всё до единого жеста.»

Lexiss: «О да... ещё как повторим... Я буду только за. Ты медленно гладишь меня по попке, очерчиваешь пальцами бёдра, а затем звонко шлёпаешь ладонью по ягоднице, оставляя красный след.»

Я начал мерно, глубоко двигать рукой, ублажая себя и невольно улыбаясь от наслаждения. Мой член каменел с каждым словом этой безумной брюнетки, становился твёрже, горячее.

IGNight: «А потом я наклоняюсь ниже, прижимаюсь к твоей коже и слегка, дразняще покусываю тебя за ягодницы, заставляя извиваться, а ты залиvisto, тихо смеёшься в подушку.»

Lexiss: «Ммм... Это так горячо... Ты подхватываешь меня под животик, слегка приподнимая на коленях, и...»

IGNight: «И даю тебе облизать свои пальцы. Смачно, медленно, чтобы ты сама смочила их своей слюной... А потом я вхожу в тебя этими влажными пальцами спереди, исследуя твою глубину, и одновременно плотно, без зазора прижимаюсь к тебе сзади своим жёстким членом, давая почувствовать мои намерения.»

Lexiss: «Ох... Тебе безумно нравится, что я к этому моменту уже абсолютно влажная, горячая и охотно, со стоном принимаю твои пальцы... Я двигаюсь им навстречу...»

IGNight: «Ты просто огонь, Лекси. Тыводишь меня с ума через экран.»

Lexiss: «Но в этот момент я неожиданно отталкиваюсь руками от матраса и резко подаюсь вперёд, выскальзывая из-под твоих рук...»

IGNight: «Что? Почему? Какого хрена, Лекси?»

Меня словно ледяной водой ошпарило посреди этого куража. Я резко перестал ласкать себя, замирая у стены с бешено колотящимся сердцем. Этот внезапный облом посреди виртуальной страсти ударил по мозгам, оставив в паху тянущую, ноющую пустоту.

Lexiss: «Потому что я плохая девочка... Я же говорила. И обычный секс сегодня отменяется. Я хочу жёстких правил. Я хочу твой член в попку, а спереди чтобы меня ласкала большая, вибрирующая игрушка... Я хочу двойное проникновение...»

Бум.

Мир вокруг меня словно раскололся с сухим, трескучим звуком. Воспоминания, которые я тщательно, по крупницам замуровывал под толщей лет, сшибли меня с ног смертоносной, удушливой лавиной. Перед глазами вспыхнуло бледное лицо Саши. Та самая ночь в её хрущёвке, застиранные простыни, запах её волос и её тихий, робкий, но такой искренний шёпот: «Игорь... я хочу попробовать... с игрушкой...»

Я вспомнил, как тогда сначала дико обозлился. Внутри меня вскипела глупая, собственническая ярость, мужское эго взбунтовалось: как это так, моей женщине мало меня? Но потом, когда я переступил через свою гордость и попробовал, я сам кайфовал как сумасшедший. Помню, как вошёл в неё сзади, чувствуя, как вибрация игрушки передаётся через тонкую перегородку внутри неё прямо на мой член - этот гул проходил сквозь меня, заставляя стонать не хуже, чем её саму. А она была такая узкая с двумя стволами внутри, что я едва сдерживался, чтобы не кончить в первые же секунды. Её тело сжималось вокруг нас обоих, пульсировало, и каждое моё движение отдавалось в ней двойной волной. Я видел, как она выгибается, как по щекам текут слёзы запредельного кайфа, и сам растворялся в этом ощущении - в её тесноте, в её дрожи, в этом общем, синхронном экстазе.

«Чёрт... Всё-таки живы ещё эти воспоминания, — подумал я, чувствуя, как в груди заныл старый осколок. — Столько лет прошло, а этот призрак из прошлого караулит меня за каждым углом».

Но я тут же жёстко тряхнул головой, стискивая зубы до хруста. Нет. Пошла нахрен эта рефлексия. Я больше не позволю портить себе момент этими сопливыми призраками! Саша в прошлом, она ушла, её нет. Сейчас есть только я, темнота и эта порочная брюнетка в сети, которая требует грязного, качественного разврата. Я с силой сжал свой член, возвращая кон-

троль над собственным телом, чувствуя, как кровь снова приливает к головке, и яростно засту-
чал по кнопкам:

IGNight: «Хочешь игрушку, Лекси? Будет тебе игрушка. Но сначала я хочу, чтобы ты
отсосала её прямо на моих глазах. Медленно, сочно, глядя мне в упор в глаза, пока я буду
держат её в руке. Напитай её своей слюной, сделай её мокрой и скользкой для себя.»

Ответ прилетел почти мгновенно, и в нём уже не было прежнего стёба.

Lexiss: «Ммм... ты не представляешь, что я сейчас чувствую... Я вся теку, у меня пальцы
дрожат. Я делаю это. Я сосу её для тебя, медленно, глубоко, представляя, что это ты...»

IGNight: «Отлично. А теперь я грубо отбираю у тебя эту мокрую игрушку, разворачиваю
тебя попкой к себе и ставлю на четвереньки. Спереди я вставляю тебе этот вибрирующий пла-
стик на полную мощность, заставляя тебя кричать, а сам, без лишних прелюдий, вхожу в твою
узкую попку сзади, заполняя тебя до самого предела.»

Lexiss: «Ох... дааа! Мои стоны сейчас слышно на всю квартиру, я кусаю подушку, чтобы
не разбудить соседей. Это так больно и круто одновременно... Меня буквально разрывает от
удовольствия! Двигайся во мне, быстрее, глубже!»

Я снова начал быстро, иступлённо удовлетворять себя, ловя дикий, животный ритм.
Ладонь скользила по стволу с влажным, хлюпающим звуком, собирая обильную смазку, раз-
мазывая её по всей длине. Очевидно, она на том конце тоже вовсю ласкала себя в этот момент
- строчки от неё шли сбивчивые, с кучей опечаток и многоточий, выдавая её реальный экс-
таз. В темноте спальни было слышно только моё тяжёлое, хриплое дыхание и шлепки ладони
по налитой коже. Картинка в голове стала сияющей, абсолютной: я видел её тёмные волосы,
растрёпанные по подушке, её прогнутую спину и то, как мой член раз за разом исчезает в её
бёдрах, а игрушка спереди добивает её, заставляя выгибаться и стонать.

Напряжение росло лавиной, подкатывая к самому горлу обжигающим взрывом. Ещё
несколько резких, судорожных движений рукой, пальцы сжались до боли и мы оба кончили
практически одновременно. Меня накрыло такой мощной, искрящейся вспышкой, что колени
на секунду ослабли, и я едва удержался на ногах, уперевшись лбом в холодную стену. Толч-
ками, с протяжным, хриплым выдохом, я излился прямо себе на ладонь и живот, чувствуя, как
из головы улетучиваются последние капли застарелого ментального яда, как отпускает этот
проклятый узел в груди.

Мне было неописуемо, запредельно хорошо. Тело обмякло, по венам разлилась лёгкость.
Я дотянулся до тумбочки, взял влажную салфетку, быстро привёл себя в порядок и упал на
измятую постель.

IGNight: «Это было легендарно, малышка. Спокойной ночи. Мне нужно поспать, пока
мой мозг окончательно не расплавился.»

Lexiss: «Спокойной ночи... Ты космос. До встречи.»

Она вышла из сети. Я закрыл приложение, откинул телефон в сторону и уставился в
тёмный потолок. Старые призраки попытались заявить на меня свои права, но я перешагнул
через них. Я закрыл глаза и впервые за эти две недели уснул мгновенно.

Глава 10: Призрак обрёл плоть.

Утро началось со вкуса победы. Солнце наконец-то пробило затяжную московскую хмарь, и я, едва разлепив веки, потянулся к телефону. До нашей встречи оставалось ровно семь дней. Неделя. Срок, который раньше показался бы мне вечностью, теперь выглядел как финишная прямая. Пальцы сами застучали по экрану:

IGNight: «Осталась одна неделя. Одна неделя, и я сделаю с тобой всё, о чём мы с тобой переписывались... Готовься, Лекси.»

На мою радость, перчинка ответила в мгновение ока - словно сидела с телефоном в руках и караулила моё сообщение.

Lexiss: «Ммм, и тебе доброе утро, тигр. Какой ты воинственный с самого утра.»

IGNight: «Доброе, красotka! Чем занята?»

Lexiss: «Еду на работу... Эх. Сажу в такси, смотрю на пробки и тихонько подвываю.»

Я выдавил на щётку пасту, подошёл к зеркалу и набрал:

IGNight: «Что такое? Откуда столько пессимизма?»

Lexiss: «Очень-очень сложный и важный проект сегодня. Волнуюсь до дрожи. Мне надо показать себя с лучших сторон и блеснуть извилинами... Я же на испытательном сроке, права на ошибку нет. Если завалю, шеф сожрёт живьём.»

IGNight: «Малышка, с какой стороны на тебя ни глянь - на лучшую и наткнёшься! Я видел твои фото, поверь, твои тылы защищены идеально. Я уверен, что ты справишься.»

Lexiss: «Спасибо) Правда спасибо за поддержку... Это важно для меня. Не ожидала от акулы бизнеса такой чуткости.»

Я смыл пену, прошёл на кухню и сел уплетать овсяную кашу, которую мне уже приготовила Энрика - моя помощница по дому.

IGNight: «У тебя что-то важное сегодня намечается? Раз так переживаешь.»

Три года назад я устроил тотальную чистку: уволил нахрен всю кучу челяди, которая вечно сновала по углам, шуршала пылесосами и подслушивала разговоры. Оставил только двух проверенных водителей и Энрику с её сменщицей. Терпеть не могу, когда в моём личном пространстве толпится посторонний народ. Спасибо травмам из прошлого в виде Ирины. Энрика, смуглая, тихая филиппинка, беззвучно расставляла на столе чашки, пока я залипал в экран.

Lexiss: «Угу. Еду в одно важное место, на строящийся объект, где будет много важных людей. Главный смотр, так сказать.»

IGNight: «Никого важнее меня нет. Главное - что мне нравишься ты, а что там остальные о тебе подумают - полная ерунда. Расслабься.»

Lexiss: «Ууу, легко тебе говорить с высоты твоего полёта. Как будто ты мой босс»)»

IGNight: «Ох... Как бы я хотел им быть, котёнок. Мы бы из моего кабинета вообще не вылезали. Я бы завалил тебя делом. Принудительно-добровольным.»

Lexiss: «Честно-честно?»

Я улыбнулся. Настоящей, дурацкой улыбкой. Почему-то этот её детский вопрос показался мне невероятно милым, пробивая броню привычного цинизма.

IGNight: «Честно-честно, котёнок.»

Lexiss: «Муррр. Ладно, я побежала... А то моё непосредственное начальство уже смотрит на меня волком за то, что я как дура улыбаюсь в экран посреди летучки. Целую в носик...»

IGNight: «Получит у меня твоё начальство! Целую твою попку!»

Я нажал кнопку «Отправить» и тут же замер. Бля, что я несу?! Вице-президент холдинга, тридцать два года, суровый мужик - сажу и строчу «целую твою попку» девице из интернета, расплываясь над тарелкой каши. Я почувствовал, как лицо стремительно заливают густая краска, залился до самых ушей, как прыщавый школьник после первого поцелуя за гаражами.

— Игор! — неожиданно окликнула меня Энрика, заставив вздрогнуть. Она стояла у плиты и хитро шурилась. — Ви што, улабайтэс? Вам очень идёт! Редко вижу вас такой...!

— Спасибо, Энрика, — буркнул я, поспешно пряча телефон в карман пиджака и возвращая на лицо суровую мину. — Налей мне кофе с собой, мне пора ехать.

Сегодняшний рабочий день я решил провести «в полях». Вообще-то, в мои прямые обязанности не входило мотаться по объектам на финальных стадиях - для этого существовал целый штат инженеров, прорабов и кураторов. Но я делал это всегда. Жёсткий контроль - основа моего успеха. Я должен был лично убедиться, как идёт процесс, подышать строительной пылью и увидеть всё своими глазами, а не через вылизанные отчёты в PDF.

Объект в Новой Москве подходил к концу. Огромный стекляннно-бетонный монстр уже обрёл свои финальные очертания, и сейчас внутри полным ходом шли отделочные работы. Все тридцать три этажа я, само собой, обходить не собирался. Мне достаточно было взглянуть на общую атмосферу, оценить темп и приструнить тех, кто расслабился.

На первом этаже, в гигантском центральном атриуме с панорамным остеклением, царил привычный хаос. Сновали туда-сюда разномастные рабочие в касках, таскали стремянки, где-то визжала болгарка. Посреди этого бедлама стоял наш главный архитектор проекта, Никитин, окружённый толпой. Он привёл сюда команду нанятых дизайнеров интерьера, чтобы те сняли финальные мерки, провели подсчёты и скорректировали дизайн-проект под чистовую отделку.

Дизайнеров было много, человек десять. Наша концепция подразумевала, что на разных этажах будущего бизнес-центра будет разное настроение, разный стиль - от строгого хай-тека до уютного лофта, поэтому Никитин набрал целую сборную солянку из специалистов.

Пока я болтал с главным архитектором о всякой рабочей ерунде - сроках поставки керамогранита и косяках с проводкой, он заметно бледнел и дёргался от каждого моего вопроса. Я слушал его вполуха, скользя взглядом по залу. Моё внимание привлекла длинноволосая брюнеточка - высокая, фигуристая, но, к моему профессиональному сожалению, с абсолютно плоской, маленькой грудью. Она увлечённо делала снимки несущих конструкций на профессиональную зеркалку.

А в следующий миг... у меня буквально ушла земля из-под ног.

Я замер на полуслове, уставившись в одну точку. В глазах потемнело, сердце пропустило тяжёлый, болезненный удар, а потом заколотилось в горле. Я подумал, что сошёл с ума.

Из-за спины длинноволосой брюнетки вышла женщина. Возле дальней стены, прямо там, где сквозь гигантское панорамное остекление падал яркий мартовский солнечный свет, стояла девушка с планшетом и лазерной рулеткой. На ней были самые простые джинсы, строгий серый пиджак, а светлые волосы небрежно убраны в пучок на затылке. Этот тонкий профиль... эта манера держать осанку, чуть вздёрнув подбородок... эта непокорная, выбившаяся прядь у правого уха, которую она заправила назад...

Твою мать. Это была она. Саша.

Мой личный кошмар. Моя единственная любовь. Мой самый главный палач, из-за которого я девять лет уничтожал себя и свою душу.

— Никитин... — мой голос прозвучал чужим, хриплым, я словно задыхался, мне не хватало воздуха в огромном атриуме. Я кивнул в её сторону, как на привидение, желая точно убедиться, что это не мираж и не глюк моего воспалённого сознания. — А это... это кто?

— Что, простите, Игорь Владиславович? — переспросил архитектор, испуганно пытаясь поймать мой взгляд.

— Я говорю, кто эта девушка? Вон та, у окна. С планшетом, — я почти хрипел, чувствуя, как внутри всё скручивается.

Никитин обернулся, проследил за моим пальцем и облегчённо выдохнул: — А, это Александра! Фамилия из головы вылетела... Новенькая у нас в бюро, субподрядчики её порекомендовали. Портфолио у неё просто потрясающее, концепты лофтовых зон — то что надо. Рабо-

тает у нас уже две недели, как раз этот объект ведёт. А что такое? Какие-то проблемы? Вы её знаете?

Две недели. Она работает на моём объекте две недели, а я узнаю об этом только сейчас.

В этот самый момент Саша, словно почувствовав на себе мой убойный взгляд, оторвалась от планшета. Она сделала пометку стилусом и подняла глаза.

Это была она. Ошибки быть не могло. Свет падал на её лицо, подчёркивая знакомые до боли черты. Саша смотрела прямо на меня.

Я видел, как её безмятежное, сосредоточенное лицо сначала вытянулось от крайнего удивления при виде моей застывшей физиономии, как глаза округлились. А затем на смену удивлению пришёл испуг. Она побледнела, судорожно прижала планшет к груди, как щит, и начала затравленно оглядываться по сторонам, явно прикидывая пути отступления. Захотела сбежать, раствориться, исчезнуть. Как же это было на неё похоже! Чуть что не по её плану - сразу в кусты, сразу закрыться в своей раковине.

Но уйти я ей не позволил. Злая, тёмная обида, спавшая так долго, проснувшись во мне в одно мгновение.

— Александра! — громко подозвал её Никитин, поймав мой кивок.

Саша вздрогнула, как пойманный на краже зверёк. Она замерла, переводя затравленный, панический взгляд то на меня, то на архитектора, то снова на меня. Её тонкая шея дёрнулась, она сглотнула слюну, взяла себя в руки и пошла к нам деревянным, неестественным шагом, словно шла на эшафот. Каждое её движение выдавало дикое напряжение.

— Д-да, Алексей Николаевич? — тихо произнесла она, подойдя ближе. Её щёки тут же залил нездоровый, пунцовый румянец, а взгляд блуждал где-то в районе моих ботинок, упорно избегая моих глаз.

— Вот, Александра, знакомься. Игорь Владиславович Лазарев, собственно, наш заказчик, владелец и вице-президент холдинга, — с придыханием представил меня архитектор, не замечая грозовой атмосферы. — Игорь Владиславович, Александра как раз отвечает за зонирование коворкинга на втором и двадцать четвёртом этаже.

Я сделал шаг вперёд, заставляя её отступить на полсантиметра. Мой голос был ледяным, деловым, но внутри всё дрожало от ярости и горечи: — Александра... Рад знакомству. Скажите, как продвигается работа над коворкингом? Надеюсь, ваши «потрясающие концепты» учитывают наши жёсткие требования к инсоляции и нагрузке на перекрытия? А то знаете, бывает - на бумаге красиво, а в жизни всё складывается как карточный домик.

Саша заметно занервничала, её пальцы побелели, сильнее сжимая пластиковый корпус планшета. Она сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть профессиональный тон, но её голос всё равно подрагивал: — Да, Игорь Владиславович... Всё строго по СНиПам. Мы заложили облегчённые перегородки из матового стекла, чтобы не перегружать несущие конструкции, и сохранили максимальный доступ к естественному свету. Расчёты... расчёты у Алексея Николаевича на почте.

— Отлично. Надеюсь, вы понимаете, что мы не терпим срыва сроков? — продолжал я давить, разглядывая её лицо. Боже, как близко. Тот же маленький шрам над бровью, те же губы. — Испытательный срок - штука зыбкая. Стоит один раз ошибиться, подвести команду, испугаться трудностей и сбежать и всё, контракт расторгнут. Вы ведь не из тех, кто сбегает при первых же сложностях, Александра?

Она вскинула на меня глаза, и в них на секунду блеснула прежняя, знакомая мне гордость, перемешанная с глубокой обидой: — Я не сбегаяю от работы, Игорь Владиславович. Я всегда довожу свои проекты до конца.

В этот напряжённый момент, когда между нами воздух можно было резать ножом, к Никитину подбежала та самая длинноволосая брюнетка: — Алексей Николаевич, там на третьем участке лазерный дальномер сбоит, посмотрите чертежи, у нас размеры не бьются!

— Извините, Игорь Владиславович, я на минуту! — засуетился архитектор и потащил брюнетку в сторону лестницы.

Мы остались наедине посреди огромного, шумящего атриума. Вокруг сновали рабочие, но для нас мир сузился до размеров этого пятка у бетонной колонны.

Я сделал ещё шаг, нарушая все границы её личного пространства. В нос ударил тонкий, едва уловимый запах её духов - тот самый, цитрусовый, который я шесть лет безуспешно искал во всех восьмидесяти двух бабах.

— Неужели это и правда ты? — тихо, без прежней деловой маски спросил я. Голос сорвался.

Саша опустила планшет, её плечи как-то сдулись. Она заметно погрузтелла, растеряв всю свою профессиональную спесь.

— Ну, как видишь, — тихо ответила она, глядя куда-то мне в грудь. — Мир тесен, Лазарев. Особенно строительный мир Москвы.

— Ты совсем не изменилась за всё это время... — вырвалось у меня само собой, против моей воли. — Такая же... невероятно красивая.

Саша вдруг поморщилась, словно мои слова причинили ей физическую боль или были ей глубоко неприятны. Она вскинула голову и холодно, колко посмотрела мне прямо в глаза: — А ты вот изменился очень сильно, Игорь. Очень сильно. Я даже не сразу тебя узнала. Возмужал... Стал таким важным, грозным. И что, теперь модно пренебрегать бритъём в высшем свете? — она выразительно окинула взглядом мою трёхдневную щетину, которую я отрастил за время недельной ломки.

Я криво усмехнулся, пытаюсь вернуть себе маску хозяина положения: — Ну... мне ведь идёт, скажи? Мужественности добавляет.

Саша посмотрела на меня долгим, ледяным взглядом, в котором не было ни капли той прежней нежности, что я хранил в памяти, только каменное отчуждение.

— Не мне судить, Игорь Владиславович, — отчеканила она, специально выделив отчество. — Ладно, у меня работы полно, график горит. Классно было поболтать. Повторять мы этого, конечно же, не будем.

Она резко развернулась и, демонстративно виляя своими бёдрами, обтянутыми джинсами, быстрым шагом направилась к лестнице на второй этаж, даже не обернувшись.

Я остался стоять у колонны, глядя ей вслед. В кулаках ногти до крови впились в ладони.

— Ну и пошла ты... — прошептал я в сердцах, чувствуя, как внутри всё выгорает дотла.

Сердце билось в груди как бешеное, готовое пробить рёбра. Я не мог поверить, что спустя столько лет встретил её вот так на собственном объекте, лицом к лицу. А я ведь частенько, в самые паршивые, бессонные ночи, представлял, как встречу с ней вот так... Напридумывал себе в голове десятки разных сценариев, один кинематографичнее другого. Я воображал безумные сцены: где она, плача от раскаяния, бросается мне на шею, осыпая виноватыми поцелуями и умоляя простить. Или наоборот - где она со всего размаху даёт мне по морде за все прошлые обиды и в слезах убегает прочь. К любому из этих вариантов я был готов.

А тут всё вышло куда хуже, прозаичнее и больнее - ноль эмоций. Ну как ноль... Презрение. Презрение к бывшему парню, который теперь случайно оказался её заказчиком.

И ладно бы она расплакалась, устроила сцену, но эта её каменная мина, полная этого самого презрения и скрытой ненависти ко мне... это добивало. Все эти долгие годы я лелеял её прекрасный, чистый образ в своих воспоминаниях. Она снилась мне по ночам, я идеализировал её, оправдывал её уход. Но сейчас, получив очередной брезгливый плевок в лицо, я не ощутил ничего, кроме горечи. И в этот момент внутри меня что-то окончательно хрустнуло и отвалилось. Хватит. С меня довольно.

Я сказал себе: стоп. Увольнять её из принципа или устраивать мелкую, грязную месть на объекте я не буду - я не мелочный ублюдок, чтобы ломать девчонке карьеру из-за старых обид.

Пусть работает. Раз её портфолио нравится Никитину - пусть чертит свои коворкинги. Но для себя я вычёркиваю её из памяти прямо сейчас. Окончательно. Этот призрак сдох, осталась только чужая баба с амбициями. Она разбила мне сердце тогда, а сейчас решила потоптаться на его осколках? Хрен ей. Больше не больно.

Я резко развернулся, быстрым шагом вышел из атриума на улицу и прыгнул на заднее сиденье своего внедорожника. — В офис. Быстро, — бросил я водителю.

Машина рванула с места, выруливая в сторону МКАДа. Я сидел, тяжело дыша, чувствуя, как меня потряхивает от адреналина. Мне нужно было срочно переключить мозги, заземлиться, почувствовать себя живым, а не раздавленным прошлым. Я судорожно вытащил из кармана смартфон, разблокировал его и зашёл в единственный чат, который за последние дни стал моим спасательным кругом. К чёрту Сашу. У меня есть Лексисс. Моя горячая, дерзкая брюнетка.

IGNight: «Ну как ты там, все живы-здоровы? Моя львица на своём супер-важном проекте никого ещё не растерзала?»

Лексисс ответила через пять минут, словно почувствовала, как сильно я нуждаюсь в её стёбе.

Lexiss: «Ой, не спрашивай! Бой был знатный. Один жираф еле ушёл живым... Повторяю: упустила жирафа! Зато покусала знатно. Сам-то как?»

Я прочитал это, и натянутые до предела нервы внутри меня наконец-то отпустили. Я рассмеялся на всё заднее сиденье машины, заставив Мурата удивлённо зыркнуть на меня в зеркало заднего вида. Эта девка была невероятной. Она одной строчкой умела разогнать любую мою внутреннюю тьму.

IGNight: «Ахаха, ну это и к лучшему... Жирафы - животные полезные, пусть живут. Малышка, я не могу дожидаться, когда увижу тебя.»

Я гордился собой. Первые пару дней после той убойной встречи в атриуме я искренне думал, что завязал с прошлым. Носился по объектам, раздавал люлей подрядчикам, закрывал хвосты по бюджетам и свято верил: я излечился. Наконец-то отпустило.

Но, видимо, я крупно ошибался. Затишье было временным, перед настоящим штормом.

Ближе к вечеру Лексисс пропала с радаров. Чат молчал до самой ночи, и этот глухой цифровой вакуум начал медленно сводить меня с ума. Я буквально изнывал, сам не понимая от чего. Всё моё тело чувствовалось взвинченным, натянутым, как высоковольтный провод. Внутри klokотала дурная энергия, и мне хотелось либо врезать кому-нибудь со всего размаху, либо бежать долго, пока лёгкие не откажут.

Вдруг вспомнились времена, когда я всерьёз увлекался самбо. А ведь я с ним почему-то резко завязал, как раз когда повстречал Сашу... Почему? Сейчас, меряя шагами пустую гостиную, я вдруг понял: моё тело тогда получало такую мощную, запредельную эмоциональную и физическую разрядку рядом с ней, что никакие изнурительные тренировки мне больше были просто не нужны. Саша была моим личным наркозом и моим допингом. Но странно: хоть самбо мне всегда безумно нравилось, я ведь не вспоминал о нём ровно до сегодняшнего вечера. Девять лет не вспоминал! А тут накрыло. Наверное, потому что скопившаяся энергия никак не находила выхода и организм подкинул старый, проверенный рецепт, как сбросить этот пар.

Ближе к полуночи Лексисс наконец вышла на связь. Пожелала мне спокойной ночи, но как-то странно, непривычно сухо - никаких пошлых шуточек, никакого вирта. Я сразу понял, что у неё абсолютно не было настроения. Ну да, действительно тяжёлый денёк выдался у девчонки на её новом проекте, жирафы эти грёбанные...

Я решил во что бы то ни стало поднять ей настроение. Пошёл в ванную, включил мягкую подсветку у зеркала и сфотографировался. Но лицо полностью открывать не стал - сохранил

интригу, оставив в кадре лишь пикантный кусочек своей линии челюсти и полуулыбку. Наде-
ялся, что ей понравятся мои губы.

Расчёт оказался точным. Спустя пять минут смартфон в руке завибрировал, и по экрану
побежали строчки, от которых у меня перехватило дыхание.

Lexiss: «Боже... Какие губы. Как же хочется тебя поцеловать прямо сейчас...»

IGNight: «Мне и самому до безумия хочется тебя поцеловать, Лекси. Я уже едва сдержи-
ваюсь. Даже не представляю, что будет, когда мы наконец встретимся вживую...»

Я нажал кнопку отправки, и в этот же миг меня словно током ударило. Позвоночник
обдало ледяной волной, а в груди заворочалось страшное осознание.

Кажется, я влюбился.

«Сука, Лазарев, ты debil?» — мысленно заорал я на самого себя. Это было плохо. Это
было просто ужасно, катастрофично. ЭТО ЖЕ ХУЖЕ НЕКУДА! Прожжённый тридцатидвух-
летний мужик, который баб менял как перчатки и не помнил даже их имён, умудрился втрес-
каться по переписке! В невидимку. В пиксели на экране.

Сладкие, тягучие мысли о Лексисс, конечно, здорово отвлекали меня от той серой хмури,
которую оставила после себя Саша. Рядом с этой виртуальной чертовкой мне было так хорошо
и спокойно, что в какой-то момент я даже расслабился и подумал: а может, это оно? То самое
чувство, которого я осознанно не позволял себе почти десять лет, истребляя любые намёки на
привязанность? Может, любовь снова нашла меня, просочившись сквозь экран, и на этот раз
всё будет по-другому? Иначе, без боли?

Но следом за эйфорией включился мой внутренний прагматик и знатно облил меня дерь-
мом. Я вспомнил, что, кроме роскошного тела перчинки на тех анонимных фотках, я вообще
не видел её лица. А вдруг там что-то не то? Вдруг она скрывает его, потому что там тихий
ужас? Станет ли это для меня проблемой в реале?

«Так, стоп, — закутилось в голове. — Деньги у меня есть, и немалые. Если у неё там
какие-то дефекты, я без проблем оплачу лучшую пластику. Ну, если она сама захочет, конечно.
А если не захочет? Если её всё устраивает, а я не смогу на неё смотреть?»

Я начал откровенно загоняться. Мозг плавился от противоречий. Чтобы сбросить этот
нездоровый пыл и вернуть контроль над ситуацией, я принял волевое решение искусственно
себя охлаждать: намеренно заставлял себя не отвечать на её сообщения часами, не писать пер-
вым, упрямо затыкать внутри себя желание проверить чат. Это было чертовски тяжело, меня
ломало, но Железный Лазарев включил режим упрямого барана. Не смей на неё залипать, слы-
шишь? Не лезь.

Но стоило мне силой выкинуть из мыслей Лексисс, как в освободившуюся пустоту тут же,
как стервятник, прилетала Саша. Та Саша, которую я встретил на объекте. Всё-таки она сильно
изменилась. Не внешне... внешне она осталась той же хрупкой девочкой из моих снов. Она
изменилась внутренне: стала мудрее, жёстче, серьёзнее и очевидно умнее... умнее даже меня.
Этот её ледяной, спокойный взгляд, этот профессиональный тон, которым она меня отчитала,
это резало без ножа.

В итоге я с головой ударился в работу. Настолько, что на пару дней вообще полностью
замолчал и не выходил с Лексисс на связь. А когда до нашего дня «Х» - дня официальной
встречи оставались считанные сутки, я общался с ней исключительно сухо, штампованными
фразами: «Занят на объекте», «Много работы», «Мне сейчас некогда откликаться на твой вирт,
спишемся позже».

И всё это время где-то глубоко под кожей меня больно, остервенело жалило чёткое пони-
мание: Лазарев, ты ведёшь себя как мудака. Справедливости в этом грёбаном мире не было и
в помине. Я сознательно, жестоко игнорировал роскошную, горячую красотку, с которой мне
было нереально хорошо, и одновременно с этим ментально убивался по бывшей, которой я
уже сто лет как даром не сдался. Пиздец чистой воды.

Лексисс, судя по её редким и коротким ответам, скорее всего, уже и не чаяла вообще когда-либо встретиться со мной после такого моего динамо. Решила, что я слился. Но у меня был план. Сомнительный и очень личный план.

Дело в том, что семнадцатого марта у Саши день рождения. Мы, правда, никогда не праздновали его вместе в сознательном возрасте - ну, разве что в глубоком детстве я пару раз дарил ей какие-то подарки с пинка матери, но чтобы устраивать торжество никогда. А когда мы сошлись, мы расстались задолго до этой даты... Но я помнил этот день. Помнил его на уровне подсознания, как клеймо.

И именно семнадцатого марта я решил устроить свою изощрённую, тихую месть. Пусть Саша никогда об этом не узнает, пусть этот триумф принесёт кайф только мне одному, но я перекрою её грёбанный день рождения самым грязным, безумным и диким сексом в своей жизни. С другой женщиной. В лучшем отеле города.

Я зашёл в приложение и прямо, без прелюдий позвал Лексисс на встречу. Назвал дату - семнадцатое.

Она молчала около часа. Час гробовой тишины в чате. Я буквально физически чувствовал, как она там сидит и мучительно обдумывает: соглашаться ли на секс после всего этого игнора с таким непредсказуемым козлом, как я, или послать меня нахер?

Но она согласилась. Прислала лаконичное: «Я буду».

Моя секретарша тут же, по первому щелчку, оформила роскошный двухкомнатный люкс в элитном отеле в центре Москвы. Никаких имён, всё строго конфиденциально, платило юрищо. Я скинул Лексисс координаты, номер комнаты и точное время.

И вот тут меня начало трясти. Настоящий, судорожный мандраж. Я слишком, сумасшедше сильно волновался. Внутри всё трепетало, как перед прыжком с парашютом без страховки. Нервы сдали настолько, что в ночь перед встречей я вообще не смог сомкнуть глаз, ворочался на простынях, глядя в потолок. Весь следующий день я был на взводе: дёрганный, злой, рывкал на подчинённых по малейшему поводу. Как назло, на работе случился очередной форс-мажор, я дико задержался и примчался в отель буквально впритык к назначенному времени.

Понимая, что Лексисс может постучать в дверь в любую секунду, я впопыхах скинул костюм, швырнул галстук на кресло и побежал в ванную, чтобы хоть смыть с себя пот. Я включил тропический душ на максимум, наполнив пространство плотным, горячим паром, и шагнул за стеклянную перегородку.

Где-то посреди процесса, когда я смачно намыливал гелем задницу, сквозь глухой шум падающей воды я услышал короткий стук в дверь. Сердце тут же сделало кульбит и ушло в пятки. Пришла. Перчинка здесь.

Поскольку входную дверь номера я, уходя в душ, предусмотрительно оставил открытой, я просто крикнул изо всех сил, перекрывая гул воды:

— Лекси! Дверь открыта, заходи! Я в душе, подожди буквально пять минут, я сейчас приведу себя в порядок!

Я продолжал улыбаться как идиот, смывая пену и предвкушая, как через пару минут выйду к ней в халате и мы наконец-то сорвём друг с друга маски. И вдруг... сквозь матовое стекло я увидел смутный силуэт, и раздался сухой щелчок замка ванной комнаты. Изнутри. Она закрыла дверь в ванную.

До меня не сразу дошло. А потом по коже пробежали мурашки: чертовка решила не ждать в гостиной. Она решила принять душ вместе со мной. Сразу с корабля на бал. Жёстко, уверенно, в своём стиле.

«А почему бы, собственно, и нет? — мелькнула в голове восхищённая мысль. — Ну правда, сексом в душе заниматься обычно не очень удобно - скользко, углы эти все... Но тут застройщик не пожалел денег: специальная дизайнерская кладка из шершавого, натурального

камня на полу обеспечивает достойное сцепление. Выдержит любые нагрузки». Да и к тому же, мало ли, может, девчонке тоже нужно освежиться после тяжёлого рабочего дня?

Улыбаясь во весь рот, я повернулся лицом к выходу, продолжая растирать остатки ароматного геля по груди. Тяжёлая стеклянная створка душевой кабины с тихим шуршанием отъехала в сторону. Краем глаза я уловил уверенное движение в клубах белого пара, повернулся, готовый выдать какую-нибудь фирменную пошлую шуточку...

И обалдел, а челюсть поползла вниз.

II

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.